

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

АННА ВЕТЛУГИНА, ДМИТРИЙ МАКСИМЕНКО
СВИДЕТЕЛИ ЧИСТИЛИЩА

FUTURE CORP.

Анна Михайловна Ветлугина
Дмитрий Максименко
Метро 2033.
Свидетели Чистилища
Серия «Метро»
Серия «Вселенная «Метро 2033»»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65264531

Метро 2033. Свидетели Чистилища:

ISBN 978-5-17-127031-5

Аннотация

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Обитатели подмосковного городка спасаются от радиации в скифских могильниках и прилегающих к ним каменоломнях. Неожиданно обнаруживается, что фон на поверхности, возле местного монастыря, в пределах нормы. За землю, пригодную для нормальной жизни, начинается жестокая борьба. Территорию захватывает секта язычников, подчинивших себе гигантских волков-мутантов. Когда в каменоломне начинают пропадать люди, никто не сомневается, что несчастных похищают, чтобы принести в жертву волкам. Но так ли это на самом деле?

Кир Белецкий, пытаясь разыскать похищенного брата, проходит череду испытаний, сталкиваясь то с волкопоклонниками, то со староверами, то с хозяевами подземной фермы, где пытаются вырастить «нового человека».

Содержание

Пролог	6
Глава первая	11
Глава вторая	50
Глава третья	73
Глава четвертая	90
Конец ознакомительного фрагмента.	97

**Анна Ветлугина,
Дмитрий Максименко
Метро 2033
Свидетели Чистилища**

© Д.А. Глуховский, 2017

© Ветлугина А., Максименко Д., 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Пролог

Если опустить веки, на какую-то минуту и впрямь покажется, что ты в лесу. Только звуки отсутствуют – ни пения птиц, ни стука дятла, ни шипения ветра наверху, в мириадах сосновых иголок. Зато запахи какие! Тут тебе и отсыревшая, будто после затяжного ливня, древесная кора, и не избалованная сентябрьским солнцем земля, и прелая прошлогодняя трава, приподнятая липкой шляпкой масленка. Грибной дух – самый густой, самый настырный...

Но если вновь открыть глаза, окажется, что вовсе не опавшая хвоя пружинит под ногами. И не шершавых вековых стволов касаются твои плечи, а заскорузлой каменной кладки с торчащими из трещин клочьями мха. Лёса, до сих пор стоящего перед внутренним взором, тут нет и никогда не было. Реален только древний подземный ход, влажная духота и смесь ароматов. И шепот, зовущий из темноты:

– Иди сюда-ааа, иди ко мне-еее, здесь так уютно-ооо...

Мужчина, давший себе пару минут на передышку, вновь взвалил на плечи бесчувственное тело и пробормотал в ответ:

– Я уже здесь. Я принес тебе подарок. Снова.

– Погаси све-еет, здесь так хорошо, когда нет света-ааа...

Мужчина чертыхнулся и выключил налобный фонарик.

Хоть бы раз увидеть обладателя зовущего из темноты голоса! Хоть бы раз посмотреть в глаза своему мучителю и благодетелю! Тому, кто дарит невыносимое наслаждение, еще более невыносимую боль и повелевает мыслями.

Мужчину уже минут десять била крупная дрожь: не то от перенапряжения (тело назначенного на роль жертвы оказалось неожиданно увесистым, из-за чего и пришлось делать коротенький привал), не то от нервов. Он и стремился поскорее окунуться в густой, вязкий, непроглядный мрак, и безумно боялся этого. Снова боялся. Он давно уже сбился со счета, сколько «подарков» заставило его принести невидимое подземное божество, пахнущее осенним лесом, студеной водой, гнилушками и грибами.

Без фонарика – хоть глаз выколи, но стены узкого коридора не дадут сбиться с пути: здесь нет ответвлений, ниш, дверей и поворотов, не ошибешься.

Приближение самого ответственного момента он почувствовал загодя, за несколько шагов до нужного места. Еще десяток метров вперед, на одной лишь силе воли – и трепетание в груди сменилось неистовым стуком сердца. Жертва на плечах застонала, задергалась... Здесь не было никаких меток, никаких видимых или осязаемых признаков окончания пути, никто не подсказывал ему, где именно следует остановиться, но он знал, что прибыл к цели. Он каждый раз находил это место в крошечной тьме. Или, вернее, его каждый раз *приводили* в это место.

Пора!

Мужчина скинул на каменный пол «подарок». Что-то накатывало из темноты с противоположного конца коридора, накатывало, накатывало... Истошный крик мужчины слился с криком жертвы.

Целую вечность спустя он осознал себя бредущим обратно. Тело он волочил за собой за обе ноги – оно будто бы стало килограммов на двадцать легче, хотя мужчина знал, что, выйдя на свет, вновь не обнаружит на трупe никаких видимых повреждений. Подземное божество *высасывало* приносимые «подарки», но что именно высасывало, какую субстанцию, какие биотоки или что-то еще более метафизическое, он понятия не имел. Кожа не повреждена, кровь на месте (проверено неоднократно!), внутренности тоже в наличии... вроде бы... и все же вес жертвы всякий раз становился таким, что покойника уже спокойно можно было тащить волоком по щербатым булыжникам пола.

Он не сумел бы описать, что происходило с ним всякий раз, стоило явиться в подземелье. Нечто страшное, да, наверняка нечто страшное. Божество что-то делало с его телом, с его разумом, с его памятью. Это было... надругательство? Наверное, можно сказать и так. Вот только никаких доказательств обнаружить не удавалось. Лишь смутные сгустки темноты, облепившей лицо, оставались в памяти. Лишь ускользающее ощущение прохладных пальцев или тонких щупалец на разгоряченной коже...

Да и что дали бы те доказательства? Возможно, это как раз тот случай, когда подробностей лучше не знать? В ушах еще долго стоял крик – его собственный крик, потому что вопли жертвы довольно быстро переходили в хрипы, затем в едва слышный сип, затем вовсе смолкали. А сам он, по всей видимости, кричал не переставая. Захлебываясь болью и блаженством. Содрогаясь от ужаса и экстаза. До самого конца экзекуции. До самого конца унижения и наслаждения. А потом не мог вспомнить, как ни напрягался, что именно проделывало с ним беспощадное чудовище. Но уж лучше так, чем поменяться местами с жертвой – *высосанной*, опустошенной, окончательно и бесповоротно мертвой.

Как поступить с покойным, он уже не задумывался: это была хорошо отработанная схема. Главное – оставить тело в нужном месте, а дальше о нем позаботятся. Кто и как? Ну, увольте, это не его головная боль. Куда важнее, что *после* уже никто не свяжет эту жертву с ним.

Мужчина часто задумывался, что может произойти, найди он в себе силы отказаться от этой зависимости, слишком смахивавшей на наркотическую, когда и масштаб трагедии осознаёшь, и ограничить себя не в состоянии. Что будет, если в следующий раз, почуяв зов божества, он не выйдет на новую охоту, а пересилит себя, спрячется, уйдет на безопасное расстояние?

Тогда велика вероятность, что однажды кто-то другой притащит его сюда на плечах. В качестве подношения. В ка-

честве «подарка».

Глава первая

Труп дороги медленно, но верно поедала хищная растительность. Трехметровые борщевики тут и там прокалывали остатки асфальта, будто телевизионные антенны из далекого барнаульского детства: я любил лазить с пацанами по крышам, где похожих «зонтов» на длинных дюралевых ножках имелось с избытком. Прямо передо мной один из таких мутировавших монстров пророс сквозь прогнившую крышу легковушки, навсегда припарковавшейся возле подъезда. Наверняка когда-то владелец был горд этим белоснежным продуктом известного немецкого автоконцерна. Хотя в самой Германии данную марку не особо уважали. Даже шутка ходила: дескать, если такую машину оставить ночью в лесу, будет слышно, как она *ржавеет*. Я прислушался: и впрямь что-то слышно. Хотя, скорее всего, это покачиваемый ветром борщевик скребет трухлявый кузов.

Метрах в ста по курсу в дорожном покрытии виднелась широкая трещина, заполненная черной жижей, над которой клубился зеленоватый туман. Хорошо, что нам туда не надо. Как бы ни убеждали сталкеры, что заражение практически сошло на нет, на поверхности все еще можно было встретить объекты и предметы, контакт с которыми гарантировал дозу. Может, там, посреди дороги, и не туман вовсе, а рой мелкой фруктовой мошкары над сгнившим яблоком – то есть ничего

опасного. А может, и впрямь токсичные испарения. Так, пожалуй, вдохнешь зеленоватое марево, а к вечеру последние легкие выкашляешь. И никакой респиратор не спасет.

Слева внезапно зашевелилась стена ядовитого плюща, покрывавшего торец пятиэтажки. Мы с Жоркой замерли; брат приподнял зажатую в кулаке фомку, я посподручнее перехватил лом. Меж спутанных стеблей на уровне третьего этажа показался внушительный клюв, а потом и его обладатель, махом сиганувший сверху в густую траву возле дома. Шлепок получился такой, будто из окна выкинули мешок с картошкой. Воробышек. Размером с барашка, весом под семьдесят кэгэ, совершенно безобидный и, к сожалению, абсолютно несъедобный. Мы подождали, пока он, топорща перья, проскачет за угол, и снова двинулись вперед.

Тут и там лес вторгся на территорию города, возвращал себе некогда отвоєванные людьми позиции. В той стороне, куда ускакал воробышек, виднелся трехъярусный еловый «светофор»: вровень с крышами торчали верхушки, напоминавшие о новогодних праздниках и цветом, и своей геометрической правильностью; средний ярус занимали деревья с кривыми стволами и желтой хвоей – поколение, родившееся сразу после Катастрофы и толком не прижившееся на пропитанной токсинами почве; понизу же шли елочки с ярко-красными иголками и извивающимися змейкой, а то и закрученными в спираль ветвями – эти чувствовали себя вполне комфортно, и я бы не удивился, если бы через пару десятков лет

именно они вытеснили настоящий, еще довоенный ельник.

Я в первый раз решился пойти так далеко по поверхности, хотя местные уже год как начали активно вылезать, из Могильника в Могильник в гости ходят, проповедники к нам то и дело заглядывают. Однако Жора не советовал подолгу снаружи оставаться: припекает же еще, пусть и слабенько совсем. Зачем рисковать? Правда, говорили, что возле Гуслицкого монастыря радиационный фон упал практически до нормы. Все голову ломают, почему вдруг такая лафа, что за аномальная зона такая, хотя тутошние, из староверского Могильника, наперебой причитают, что будто бы колокольня заземляет. «Колокольня, заземляющая радиацию» – звучит экстравагантно даже для гуманитария. Но эти тутошние – вообще странные по сравнению... да по сравнению с кем бы то ни было!

Не суть важно, почему подле монастыря так хорошо. Важно, что местечко это уже было захвачено язычниками, у которых с дикими животными братство образовалось. Говорили, что они гигантских волков из Волчьего леса человечинной подкармливают. Якобы похищают людей – и наших, и проповедников-староверов – как раз для ритуальных жертвоприношений. Насчет похищений врать не буду, чего не знаю – того не знаю, но люди и впрямь регулярно исчезали: и поодиночке, и группами. Ну и волки те, мутанты чертовы, действительно завывают, сволочи, да так громко, что под землей слышно. Сложить один плюс один гораздо проще, чем

выдумывать менее очевидные объяснения.

На поверхность мы с Жорой намеренно выбрались из дальнего выхода каменоломни, в восточной части Куровского, чтобы никто не пронюхал об истинной цели вылазки. Далее наш путь лежал на запад, к реке, на берегу которой Гуслицкий монастырь. Но целью был не он, а бывший меланжевый комбинат неподалеку. Располагался он так неудачно, что в этой точке нам и староверы могли повстречаться, и свои же сталкеры, и язычники-волкопоклонники. К тому же мы не представляли, с чем или, вернее, с кем столкнемся на самом комбинате. Поэтому двигались с максимальной осторожностью, мелкими перебежками, прислушиваясь к каждому шороху, приглядываясь к любой тени.

Наконец жилой сектор закончился. Между нами и некогда белой бетонной стеной, огораживающей предприятие, оставалось метров тридцать пустого пространства. Левее виднелась проходная, но Жорке что-то не понравилось, и в ответ на мой вопросительный взгляд он лишь прижал палец к губам и помотал седой головой. Правее в стене виднелась брешь, сквозь которую запросто можно было протиснуться взрослому человеку. Правда, вкривь и вкось в дыре, словно акульки зубы, торчала арматура, и я переживал, не зацеплюсь ли, не порву ли костюм, собственноручно сшитый из резиновой лодки.

Четверть часа сидели на карачках, осматривались, не покажется ли кто, не пройдут ли часовые. Затем рванули к

стене, протиснулись в пролом, дошкандыбали до торца бывшего производственного корпуса, снова затаились. Отдыхались. Тихо и пусто кругом. На цокольном этаже, на пять ступенек ниже поверхности – вход в подвал. Замок, на наше счастье, не сменился, хотя проржавел знатно. Открыл его Жора ключом из связки; за низенькой створкой – еще одна лестница в два полноценных пролета. Спустились по ней, с трудом сдвинули с места металлическую дверь в подземный коридор, а там свет горит. Мне это очень не понравилось. С электричеством туго, генератор у нас в Могильнике только один, каждый аккумулятор на вес золота, а тут такая иллюминация. Либо Боссу вообще на все плевать, с жиру бесится, либо убрал его кто-то вместе с армией охранников. А свет погасить за собой забыл. Так не по себе вдруг стало, что я все-таки не выдержал и сказал:

– Жор, на фиг все, пошли отсюда.

А он:

– Жратву тоже на фиг? Святым духом питаться будешь?

И тут, как назло, адски запахло говяжьей тушенкой. Я уже сколько лет ее не видел, в старом бункере только свиная была, но запах-то ни с чем не спутаешь! А впереди, скрытые полумраком, еще несколько дверей, и у брата еще два ключа на связке. Я понял: если мне сейчас не дадут оприходовать содержимое целой консервной банки – убью кого угодно... ну, кроме Жорки.

Друг за дружкой, на расстоянии пяти шагов, мы двину-

лись по коридору. Затхлость. На стенах плесень и рыжие потеки, под ногами труха, потолок весь в трубах в облупившейся цементной термооплетке. Где-то в глубине чудился едва слышимый монотонный рокот – не то станок какой-то, не то генератор. Двери слева и справа. По некоторым сразу понятно, что с довоенных времен не открывались, но частью точно пользовались регулярно: и полукруглые следы-царапины на полу об этом говорили, и масляные пятна вокруг замочных скважин, и ручки, с которых кто-то старательно счистил ржавчину.

– Ты хоть помнишь, куда идти? – шепотом спросил я брата. – Ориентируешься тут?

Он пожал плечами:

– А сам как думаешь? Двадцать лет прошло вообще-то. По ходу дела разбираться будем.

Еще один коридор, перпендикулярный первому. Вот тут нужно быть особенно внимательным; я перехватил лом на манер копья, левой рукой нож нащупал...

Не понимаю, как им удалось появиться настолько бесшумно. Я их увидел, когда трое уже подхватили брата и потащили за угол. И в ту же секунду меня выключили ударом по голове. Успел только заметить, что уши у них острые, как у эльфов в фэнтези.

За несколько дней до...

Лязгнула дверная ручка, распахнулась дверь. Статный лысый мужчина, вошедший в небольшой кабинет без окон, раздраженно хлопнул ладонью по выключателю и нервно зашагал туда-сюда, время от времени задевая плечом угол настенной полки. Наконец он остановился, сверкнул ледяной синевы глазами в сторону коридора и недовольно буркнул:

– Ну? Чего мнешься? Зайди. Сядь.

Илья возник из полумрака, дотронулся кончиками пальцев до зеленого абажура на длинном шнуре, прекращая его бескончаемые покачивания: видимо, шеф не только полку задел, но и единственный в кабинете источник света. Под абажуром, больше похожим на перевернутую миску, стоял овальный стол и два дорогих деревянных стула. Выдвинув один из них, гость сел.

– Как это случилось, Илья?! Как мы это допустили?!

Гость, сохраняя видимое спокойствие, пожал плечами.

– Оскар, – осторожно проговорил он, – я неоднократно докладывал вам о... пристрастиях Михаила Васильевича. Ни моего, ни Лениного влияния не было достаточно, чтобы... Ну и субординацию никто не отменял, вы же сами настаивали...

– Я настаивал на создании полноценных условий для Ми-

пиной работы! – мгновенно вскипел Оскар. – Я настаивал на том, что он не подотчетен в научных изысканиях никому, кроме меня! Разве изыскания по своему буквальному значению соответствуют деградации, а условия эквивалентны алкоголизму?

– И тем не менее. – Гость развел ладонями. – Сколько раз вы мне говорили: дескать, Илюша, отнеси ему коньячку из моих личных запасов, пусть успокоит нервышки, выпиши ему спирта побольше, в лаборатории все должно быть стерильно...

Желваки заиграли на вытянутом лице Оскара. Он терпеть не мог, когда ему перечат, но сейчас помощник был прав, триста раз прав. Некого винить, кроме себя самих. Упустили они Михаила, недоглядели. Спился мужик окончательно и бесповоротно. Вернее, допился. Оскар замер у полки, напротив старинной фарфоровой вазы, круговым движением ладони прошелся по гладкой кромке горловины. По часовой стрелке, затем против, затем снова по часовой. Краем глаза он заметил, как Илья передернул плечами – видимо, тоже вспомнил, как помирал Миша, помирал долго, мучительно, не узнавая никого, матерясь и подвывая от ужаса, проживая наяву бредовые видения... Белая горячка. Врагу не пожелаешь.

Оскар развернулся к столу.

– Ладно! – Сказал и будто припечатал сказанное ладонью к столешнице. – Не пристало нам сопли жевать. Надо думать,

как выкручиваться.

– Лена? – предложил Илья самый очевидный вариант.

– Не будь идиотом! – отрезал Оскар. – Лена – фельдшер. Конечно, она понахватала за двадцать лет практических навыков, но принятие родов и удаление аппендикса – ее предел. К тому же, даже если бы я перевел ее в лабораторию и у нее получилось бы продолжить Мишину работу, – как быть с детьми? За ними-то кто присматривать станет? Нет уж, пусть Лена остается на своем месте.

– Но у нас больше нет людей с медицинским образованием.

Оскар отмахнулся:

– Медицина вторична, нам нужен исследователь-микробиолог: миколог, бактериолог или вирусолог.

– И где ж такого взять? – хмыкнул Илья. – Можно было бы поднатаскать кого-нибудь, раздобыть учебники, справочники, но на это уйма времени уйдет...

Хозяин кабинета его не слушал. Уставившись невидящим взглядом в точку за пределами окрашенных в кремовый цвет стен, он побарабанил длинными пальцами по столу, помолчал, затем, будто очнувшись, решительно выдвинул второй стул и сел.

– Надо ехать в Черноголовку!

– Ку-да?! – не поверил своим ушам Илья.

– Давай-ка вспоминай! – приказал Оскар. – Июль прошлого года. Фарид и его хлопцы приволокли из патруля доходя-

гу...

– Караванщика? Так он сдох же!

– Сдох, – терпеливо согласился Оскар, – но до этого успел наболтать кучу полезной и не очень инфы.

– Брехал небось.

– А если нет? – Оскар поднялся на ноги и вновь прошелся по кабинету. Как же не хватало простора! То и дело в стены утыкаешься! – Где напали на его караван? Что он про это говорил?

– Ну и вопросыки у вас... Позвать Фарида? Ай, нет, не позову, он с ребятами утром в Панки уехал.

Оскар взглянул на наручные часы. Зачем взглянул? Ах да, на циферблате – окошко календаря с текущей датой. Если Фарид только сегодня отправился в Панки за дизельным топливом для генераторов, ждать его раньше десятого числа не стоит.

– Вспоминай! Ну? – Оскар раздражался все больше и больше. – Караванщик точно говорил про Черноголовку и яйцеголовых, которые штаммами какого-то вируса занимались.

– Ну, может быть, – протянул Илья, не желая спорить с начальством.

– Если в наукограде действительно сохранился исследовательский центр...

– Оскар, ну это несерьезно! Даже если там выжили ученые, теперь их центр – это какой-нибудь зачуханный подвал,

подземный бункер. Хренушки вы их там найдете.

– Значит, возьму с собой всех! – заорал Оскар. – Сколько есть парней в наличии – всех возьму! Прочешем эту гробаную Черноголовку вдоль и поперек, подвал за подвалом! Если туда ходят караваны, то...

Хозяин кабинета замолк, посидел тихонько и Илья. Затем оторопело вытаращил глаза.

– Погодите-ка! Что значит – «возьму»? Оскар, вы что, сами хотите поехать?!

– Разумеется. Я не хочу опростоволоситься, доверившись подчиненным, для которых слова «миколог» и «кинолог» звучат одинаково.

– Слушайте, но ведь дотуда километров двести! И это северное направление, мы туда и не ездили практически, дорога незнакомая!

– Во-первых, не преувеличивай: до Черноголовки от силы километров сто двадцать. Во-вторых, знакомая или незнакомая, но дорога точно есть, раз туда караваны ходят.

– Со слов смертельно раненного доходяги!

– Другого источника у нас все равно нет, стало быть, придется поверить этому несчастному караванщику.

Илья откинулся на спинку стула, всплеснул руками, ошалело помотал головой – мол, совсем ты, Босс, охренел.

– Останешься на хозяйстве, – меж тем деловито продолжал Оскар. – Лену и ее подопечных – под особый контроль. С остальным не заморачивайся. Все равно у тебя ресурсов

не хватит, чтобы еще и общины контролировать.

– Вы действительно всех ребят заберете?!

– Через несколько дней вернется Фарид со своими головорезами. И с соляжкой. Уж до десятого-то ты продержишься как-нибудь.

– А стрельба в Давыдове? Мы же собирались проверить, кто там!

Оскар глянул заинтересованно:

– А что, до сих пор стреляют? Может, уже отстрелялись, перебили друг друга?

– Да там странное что-то... Не бои идут вроде бы, а будто в тире кто-то шарашит. Может, дикари там тренировочную базу устроили?

– Запрись, окопайся, оставлю тебе пару человек, чтобы поднадзорных охранять и подвал патрулировать на всякий пожарный. Наружу не суйтесь – и все будет хорошо.

– Капец какой-то... – Илья все еще не верил, что Босс говорит всерьез. – Ну а с «гуманитарной помощью» как быть? Без нее общины долго не продержатся.

– Потерпят.

– А не боитесь, что пронюхают о вашем отсутствии и... предпримут какие-нибудь активные действия?

Оскар вернулся к вазе, потрогал кромку подушечками пальцев, усмехнулся:

– А что, на это будет занятно посмотреть. Давно уже следовало всколыхнуть это болото. Стагнация, друг мой, хоро-

ша лишь на первых порах. А сегодня этим скунсам пора уже выбираться из своих вонючих нор. «Молодые и сильные выживут» – слышал такое выражение? Поглядим, кто из них моложе и сильнее.

– Хотите их сравнить?

– Я?! Ну что ты, Илюша! Я не настолько кровожаден. Пусть сами вытаптывают себе поляну для будущих свершений. Но отчего-то мне кажется, что они так и будут сидеть в Могильниках до моего возвращения. Готов заключить пари, Илюша? – Приняв решение, Оскар сделался благодушен и философичен. – Ладно, некогда болтать попусту. Распорядись подготовить транспорт и провизию на две недели. Ну и вообще – труби общий сбор. Хочу выехать сегодня в ночь.

* * *

Как же обидно, когда в перспективе появляется хоть какое-то будущее, хоть намек на него, и тут раз – и опять все рушится. Для чего мы вообще выжили в этом аду? Чтоб промучиться энное количество лет и тупо подохнуть от голода?

А ведь все уже практически вошло в колею: куры неслись, червяки перерабатывали отходы, вешенки аппетитно свисали с трухлявых досок – не жизнь, а малина, прямо натуральное первобытное общество с поправкой на подземный образ существования и остатки полуразвалившихся гаджетов. И еще для полного счастья регулярные подачи от доброго

Босса. Правда, слухи шли, что доброта его – не просто так, и за все придется платить. Не знаю уж, какую выгоду получал с нас Босс, однако благотворительность закончилась внезапно и как раз когда заболели куры, а вешенки вдруг стали мас-сово подгнивать и превращаться в вонючий порошок. Будто кто-то специально озадачится, чтобы мы побыстрее копыта отбросили!

Мы с братом, как нетрудно догадаться, хотели жить, поэтому включили мозги. Если честно, придумал все Жорка, а я поддержал, не вникая.

А смысл вникать? Брат всегда ухитрялся найти выход из ситуации быстрее, чем я успевал сформулировать, в чем, собственно, проблема. Выжили-то мы в этом аду только благодаря его чутью. А может, и не чутье это было, а просто везение. А возможно, ему просто хотелось подобия домашнего уюта. Короче говоря, когда я переехал к брату из Барнаула, обнаружилось, что Жорка с местными староверскими бабками общается, хотя вроде никогда старообрядчеством не увлекался. Скандинавия, викинги всякие – да, было дело, но это ж другое совсем. А он все ездил на чаек к тете Ане с тетей Шурой в Давыдово, ну и меня с собой брал. Вроде и местной историей он у них особо не интересовался, и теологических споров не вел. Сейчас, оглянувшись назад, я и не вспомню, о чем мы болтали за чаем. Но ощущения от поездок сохранились самые приятные, будто действительно у родственников гостевали.

Так вот, когда самый ужас начался и все побежали спасаться кто куда – именно тетя Шура показала нам неприемлемую дверку в одном из старых заводских корпусов. Этот ход вел этажа, наверное, на три вниз, не меньше. Внизу была толстенная металлическая дверь, как в банковском хранилище, а за ней – огромные пространства с бетонными стенами. Я страшно удивился: откуда такое в обычном подмосковном селе? Бабки рассказали, что якобы еще при Берии здесь начинали строить линию большого оборонительного кольца вокруг Москвы, а сам Давыдовский завод изначально планировался как ракетный. Потому и бункеры.

Это старухи уже потом рассказали, через несколько дней, а может, и недель – время под землей сразу же слиплось в непонятный ком. И да, в самом начале всем нам было не до исторических экскурсов.

Помимо нас, там укрывались еще шестнадцать человек – в основном, родственники тети Ани. Тетя Шура была бездетная, зато работала на заводе и знала массу полезной информации. Вплоть до того, в каком из помещений бункера хранятся рабочие инструменты – молотки, пилы, лопаты, кирки. Очень нам это пригодилось, и дальше станет ясно почему.

Родственнички поначалу хотели нас выгнать. Зачем им чужаки в тесной компании? С собой-то они взяли кой-какой еды – из того, что было под рукой, что у каждого в холодильнике и кухонном шкафу обычно хранится. В той ситуации было не до закупок впрок. Кто-то буханку хлеба схватил и

пяток яиц, кто-то пачку пельменей, кто-то перловку и сгущенку. Ну и понятно, что ненадолго подобных запасов хватит на такую-то ораву, а тут еще лишние рты. А с другой стороны, чтобы выгнать чужаков, надо гермодверь открыть. Побоялись радиации. И правильно, в общем-то, сделали. Можно было еще придушить нас во сне, а затем отнести хладные трупы в самые дальние помещения, чтобы не слишком воняли. Не исключаю вероятности, что на семейном совете этот вопрос обсуждался, но до реализации дело так и не дошло. К тому же скоро стало понятно, что мы полезны в качестве землекопов. Нужно было как-то добраться до продуктового склада, который под супермаркетом «Тарелочка» напротив завода (тоже бесценная информация от тети Шуры). А во всей этой родне нормальных по возрасту мужиков всего двое оказалось: Славик, только он был поперек себя шире, а сил немного, рыхлый какой-то, и Ваня, мой ровесник. Еще трое пенсионеров, а остальные вообще женщины, дети и тинейджеры. Вот и вручили нам с Жоркой кирки да кувалды, послали бетонную стену долбить. А бетон хоть и старый уже, сыпучий, да только попробуйте одолеть эти полтора метра. Ну а потом еще и три десятка метров под землей – и это при том, что ни шахтеров, ни метростроевцев среди нас не было, опыта никакого, подпорки в лазе учились ставить по ходу дела.

Пока мы к этому складу прорывались, один мальчик умер от голода. Так на мать его налетели свои же, как вороны,

чтобы отдала тело. У меня, к слову, тоже мысль мелькнула, что глупо закапывать мясо. Быстро в нас человеческое закончилось. А может, и не быстро, время же склеилось. Помню только, что тетя Шура сказала: нельзя, Бог накажет, а Жорка просто напомнил про трупные яды, интоксикацию и ее последствия. Бабку-то, может, и не послушали бы (Бог остался где-то там, наверху; Бог печально взирал на последствия Апокалипсиса с пораженных радиацией церковных икон, ежели они вообще сохранились, а под землю заглядывать не спешил), зато биологу поверили. Уж слишком красочно он описал, что может ждать трупоедов. Правда, похоронили пацана только потому, что как раз в этот день (или какой кусок времени там был) мы, наконец, продолбили вторую стену, на том конце лаза, за которой находился склад. И Жорка тогда тоже всех построил, чтобы не наедались от пуза, а то можно умереть с непривычки. Конечно, не уследили за детьми, еще одну девочку потеряли, она ночью проползла в наш рукотворный туннель. Так и нашли ее наутро всю в сгущенке и кровавой рвоте. Зато потом уже как-то договорились между собой, устроили некое подобие жизни, благо, склад оказался большой.

Вот как посчитать, сколько мы там ютились? У Мишки, которому годик был на момент нашего исхода, голос успел сломаться. Он, кстати, единственный выжил из детей, какая-то инфекция остальных выкосила то ли на третий, то ли на четвертый год. Потом другая напасть. Там, на складе, не

только еда была, но и водки полно, и прочих горячительных напитков. Они долго держались, староверы же, противники алкоголя. В терапевтических целях принимали по пятьдесят граммов в сутки – кто-то сказал, что спирт то ли выводит радиацию, то ли служит профилактическим средством от лучевой болезни. А нам же нечем было себя и продукты диагностировать, так что оставалось лишь уповать, что если и облучились мы, то не слишком сильно. Короче говоря, допьяна никто не напивался. Мне-то в этом смысле выбирать не из чего, аллергия у меня на алкоголь. А эти усилием воли несколько лет держались. Зато когда вдруг у Славика что-то перемкнуло – мгновенно сломались все, просто в животных превратились, что мужчины, что женщины.

Скажи спасибо, не убили.

Короче, к концу нашего давыдовского выживания осталась одна тетя Шура девяностолетняя (если, конечно, мы со счета не сбились, ее возраст определяя). Она шутила, что у нее все искусственное – зубы, суставы, хрусталики в глазах – и ей придется жить вечно. И правда. Даже, можно сказать, не болела она. Просто однажды не проснулась, и все.

И тут я стал бояться за брата. Совсем он помрачнел. Да и я, если честно, затосковал без постоянной тети Шуриной болтовни.

В довершение ко всему склад вдруг затопило. Видимо, грунтовые воды какие-то прорвались сквозь усталый советский бетон. Консервы выжили, хоть и заржавели, но их уже

совсем мало оставалось. А крупа – наше основное пропитание – превратилась в куски несъедобной плесени.

И вот тогда Жорка решил выйти наверх, разведать, что да как. Костюм себе сшил из резиновой лодки – там, в супермаркете, был рыболовно-туристический отдел.

Мне запретил наверх даже соваться. Когда я провожал его – было ощущение, будто человека в прыжок с двадцатого этажа отпускаешь. Но он вернулся. Раздобыл в местной школе, в кабинете НВП, три противогаза и счетчик Гейгера.

Потом, через некоторое время, еще раз сходил. И объявил, что мы должны переселяться. Оказывается, в соседнем Куровском, где, собственно, Жорка и обосновался до войны, есть какие-то скифские могильники, и в них живут люди, чуть ли не сто человек. А главное – что на поверхности уже не так ужасно. Хотя костюм мне тоже нужен.

До Куровского километра три всего было, тем не менее я их еле одолел, хотя Жорка меня все эти годы (скорее, по привычке) заставлял гимнастику делать, в спарринги со мной вставал регулярно. Но это не самое плохое.

В могильниках очень стремно оказалось. Я вообще поначалу не понял, как они выжили: входы были похожи на лисьи норы, как попало забитые чем придется – досками, листовым металлом, монтажным герметиком, пенопластом, оргалитом. Я реально первое время пристально всматривался в своих новых соседей, пытаясь обнаружить анатомические отклонения: лишние пальцы, перепонки какие-нибудь,

вертикальные веки или даже хвосты с рогами. Ну потому что не могут не сказаться на человеческом организме годы, проведенные в месте, куда и зараженная пыль с поверхности может попасть, и талые воды, и дожди! Потом плюнул, махнул рукой. Хрен их знает, может, раньше эти лазы были более укрепленными и защищенными от радиации. Или радиоактивный след прошел стороной. А даже если и нет, даже если кто-то из жителей прячет под одеждой последствия мутации, то это еще не повод шарахаться от каждого встречного. Но близких знакомств я старался не заводить, держался по возможности в стороне. Работу, какую требовалось, выполнял, а для задушевного общения мне Жорки вполне хватало.

Выяснилось, что под Куровским имеется целая сеть подземных ходов, причем их три вида: собственно могильники эти скифские, их археологи перед войной обнаружили. Затем каменоломни очень старые. И промышленные подземелья под меланжевым комбинатом, похожие на то, что под Давыдовским заводом.

Меня напрягало, как выжившие в этих трех локациях (даже в четырех, потому что могильников два было и какое-то время они существовали абсолютно изолированно) друг друга воспринимают. Будто не в одном городе раньше совместно проживали, а на четырех разных континентах: культура, манера общения, даже, прошу прощения, личная гигиена – ну все отличалось! Но мы с Жоркой присоединились к жителям большего по размерам Могильника к тому

моменту, когда в Куровском несколько группировок стали явлением незыблемым. И группировки эти были одна другой неприятнее.

Во-первых, старообрядцы из второго Могильника. Не такие тихие, к каким мы привыкли, гостюя у тети Шуры с тетей Аней, а очень пафосные, особой закваски. Образовались якобы при Иване Грозном от польских пушкарей. Типа, люди первого сорта, которых Бог лично выбрал и спас. Ходили они в льняных балахонах, а женщины еще и белые косынки носили, явно из застиранных простыней нарезанные. Смешно это выглядело в реалиях постапокалипсиса, но их уважали, хотя и не любили. Меж собой мы звали их крысоедами, потому что вот так им не повезло: если в нашем Могильнике в самом начале нашлись умные люди, которые прихваченных с собой кур не на суп пустили, а на развод, то у старове-ров из живности лишь крысы пережили Катастрофу – они-то и стали основным продуктом в рационе бедолаг. Благо, размножались быстро.

Во-вторых, по слухам, где-то в окрестностях Гуслицкого монастыря (а то и в нем самом) имелись язычники, которые поклонялись волкам-мутантам, но мы с Жоркой за четыре года ни разу их не встретили. Вот их-то жители Могильников просто ненавидели. А про волков ходили слухи, что они размером с лошадь и роют норы, так что и в подземелье достанут, если захотят.

В-третьих, время от времени в нашем Могильнике появ-

лялись «охранники Босса». Эти вообще относились ко всем, как к дерьму. Могли запросто пройти по спящим людям, просто так, ради развлечения. Но их ждали с нетерпением: они еду раздавали – консервы, крупы, тоже, видимо, с каких-то складов. Еще хлеб, похожий на настоящий, довоенный. И колбасу, производство которой наладил Босс. Из чего именно была та колбаса, лично мне знать не хотелось, хотя Жорка говорил, что она «синтетическая», даром что по вкусу копченый сервелат напоминает. Соя, жир из свиных консервов, куча ароматических добавок – и ни грамма мяса, если верить брату. Этот чертов сервелат был единственным продуктом, за который приходилось расплачиваться: охранники меняли его на свежие куриные яйца. Все остальное – от щедрот Босса, «гуманитарная помощь населению». Кур и вешенок не хватало, несмотря на все старания Харитона.

А, ну да. Харитон. Это, можно сказать, в-четвертых. Обитатель нашего Могильника, прибравший... ну, не власть, конечно, куда ему до Босса. Но персона авторитетная. Вокруг него тоже всегда кучковались мужики – не то телохранители, не то «шестерки». Сообща они поддерживали видимость порядка: графики дежурств устанавливали, работу распределяли, тунеядцу или дебоширу могли и в ухо заехать, и карцер организовать. А Харитон ими руководил. Каким-то образом он ухитрился занять упитанное брюшко. По сравнению со всеми остальными ходячими скелетами выглядел, будто слегонца потрепанный седой Винни-Пух.

Возвращаясь к Боссу: сам он никогда в нашем Могильнике не появлялся, однако люди говорили, что вот он-то реально «всем рулит». Возникал вопрос: зачем? Рулить, наверное, дело приятное, но, контролируя продуктовый запас, кормить сотню непутевых нахлебников, имея с них в лучшем случае три десятка яиц раз в неделю? Глупость какая! Особенно когда не знаешь, сколько еще выживать придется и, соответственно, не закончатся ли у тебя продукты значительно раньше, чем сам ты копыта откинешь. В альтруизм Босса, в милосердие и благотворительность я не верил категорически.

Вот он, видимо, и прочитал, наконец, мои мысли, ха-ха!

Двадцать лет назад планировалось, что я тоже поработаю на Босса. Ну, не лично на него, не в лаборатории, как Жорка, а так, разнорабочим. Кто бы мне после девятого класса, без специального образования, что-то серьезное поручил? Но мне «сказочно повезло»: как только я перебрался из Барнаула к брату в Подмосковье, начался весь этот ужас...

Ну, да речь не о том ужасе, а о нынешнем. Пришла беда – отворяй ворота.

Конечно, после прекращения подачек от Босса размеренная жизнь мигом разрушилась. На тетю Машу, которая на раздаче в «столовой» испокон веков стояла, напали. То ли порция кому-то показалась маловатой, то ли в принципе под себя подмять хлебное место решили – уже и не понять. Пока Харитон суд над преступниками чинил – другие успели сожрать все, что без присмотра тети Маши осталось.

Кое-как порядок все же восстановили, однако Жорка сказал мне: «Ничего хорошего уже не будет. Надо самим действовать». Ну, я встал и пошел за ним. Хотя очень мне не хотелось.

Вот что за хрень?! Возраст уже к сороковнику близится, а продолжаю слушаться брата так, как с детства привык. Дураком я никогда не был, хотя от местных не раз и не два слышал в свой адрес то «блаженный», то «убогий». Ну и пусть у Жорки опыт и интуиция; он ученый, для него наука – царь и бог. Зато в бытовом-житейском плане он беспомощен, в отличие от меня. Ему еды не приготовишь – он и не поест, одежду ему не постираешь – так и будет в грязной сидеть и в книгу пялиться. Это еще со школы повелось: родители оградили ото всех забот своего старшего, светлой голове которого педагоги прочили в будущем всевозможные достижения в области химии и биологии. Нет, совсем домашним мальчиком он не был, но за первую половину жизни, проведенную в Барнауле, он не столкнулся и с десятой долей того, что мне довелось испытать на собственной шкуре. И шкура эта ясно говорила мне: не ходи, Кир! Хотя выглядела затея более чем логичной и выполнимой: почему бы не поискать еды на складе Босса, раз он сам куда-то подевался? Это раньше было опасно на комбинат соваться – там дислоцировался вооруженный отряд его охранников, а может, даже целая армия. Но раз исчез Босс – возможно, и армия вместе с ним куда-нибудь перебазировалась? А у Жорки связка клю-

чей еще с тех, нормальных времен осталась – от служебных помещений, от подвала. Уж если где Босс и хранил свои богатства, от которых местным жителям изредка кой-чего перепало, так только там, под защитой бетонного фундамента. Ну и вообще Жорке виднее – он на этого чувака работал до Катастрофы.

Все же дурак я, наверное: пошел ведь и даже Жорке не рассказал про свои предчувствия.

Не рассказал, потому что он бы в очередной раз назвал это бзиком или заскоком. Нет, я не спорю, у меня, конечно, есть свои особенности. Время от времени я четко вижу рядом какой-то смутный и подозрительный параллельный мир.

Когда я был совсем маленьким, боялся некоторых компьютерных игр: мне казалось, они отомстят, если выиграть со слишком уж большим преимуществом. Потом крайне неприятными казались уличные граффити, особенно в безлюдных местах. Когда в подростковом возрасте старший брат сильно увлекся скандинавской мифологией и рунами, моим ночным кошмаром стал Локи. Мне все время казалось, что Жорка случайно откроет ему дверь в наш мир, и тот его разрушит. Когда случилась Катастрофа, мне оставалось только грустно смеяться, вспоминая этот свой детский страх. Разумеется, повзрослев, я научился с этим жить, но неприятное ощущение никуда не ушло. Самое мерзкое тут даже не в страхах – в двадцать пять и уж тем более в тридцать пять лет всерьез не станешь бояться надписей на стенах

и мифических богов, если только ты не совсем поехавший. Просто когда приходит это состояние – ты словно теряешь связь с собственным телом. Будто со стороны себя наблюдаешь: Кир пошел, Кир сказал, Кир сделал. Очень некомфортно. К счастью, адекватно действовать это до сих пор ни разу не мешало.

Собственно, лежать и заниматься самоанализом в этом подозрительном коридоре было крайне неумно, но я не мог заставить себя встать: голова ужасно болела и кружилась, приложили чем-то тяжелым, скажи спасибо, что вообще очухался. Ощупал себя – вроде все цело. Нож сперли да лом в придачу – оно и понятно. С другой стороны, костюм не поврежден, резиновые краги валяются под задницей, респиратор на шее болтается и даже фонарик в кармане нащупывается – жить можно. Коридор больших надежд не внушал: осыпавшаяся большими пластами штукатурка в тусклом свете редких лампочек рисовала географическую карту какого-то мира, а отдающий тухлятиной воздух и отсутствие сквозняка говорили, что выход на поверхность если и есть, то где-то не слишком близко.

...Наконец удалось сесть, потом пересилить тошноту и встать. А идти-то теперь куда? В обе стороны тянулся низкий коридор, с потолка гроздьями свисали черные кабели, а «переулки» отходили каждые двадцать метров. Где же угол, за который уволокли Жору? Или меня тоже перетащили, пока лежал в отключке? Ну да, коридор определенно другой.

Я пошел наудачу вперед. Несколько старых дверей по бокам, все как одна – без признаков использования. В конце – тупик. Вернулся. В обратную сторону тоже ничего, хотя...

Неприметный узкий ход налево. Оттуда несло плесенью. Ткнул кнопку фонарика – он мутно посветил несколько секунд и сдох. А ведь собирался я понаделать факелов! Однако Жорка легкомысленно понадеялся на фонарики, а иллюминация в подвале окончательно заставила меня забыть о предусмотрительности. Ну что поделаешь, если сталкерского опыта у меня до сей поры не было? Да и появившийся нынче опыт – так себе.

Ну и что теперь? Разумеется, возвращаться в Могильник за помощью. Но ведь тогда придется рассказывать о нашей неудавшейся затее. Народ не одобрит, что мы тайком, никому не сказав про ключи, вдвоем отправились грабить склад Босса. Ох как не одобрит! Особенно после того, как комбинат оказался обитаем, а мы засветились по полной программе. Это сочтут нарушением субординации, посягательством на добрососедские отношения с Боссом, преступной самодеятельностью... Да и к кому же за этой помощью идти? По именам я своих соседей знал, конечно, соглашался подсобить, когда требовалось, с бабами иногда уединялся, если было чем расплатиться. Но друзей не завел. Да и вообще дипломатия с переговорами – это по Жоркиной части. Он человек для общины полезный, снадобья делал из трав да корней, что по его запросу сталкеры с поверхности приноси-

ли. Вот на его клич наверняка многие бы отозвались, а мне, получается, и обратиться не к кому... В конце концов, это мой брат, мне и вытаскивать его.

Я изо всех сил тряхнул чертов фонарик. Появилось какое-то тусклое подобие света. Еще непонятно, на сколько его хватит, но вариантов нет.

Пытаясь сфокусировать силой воли этот еле живой луч света в темном царстве, я сделал несколько шагов по узкому проходу и вскрикнул от боли в колене. Кто-то швырнул в меня камнем, не очень метко, но и по касательной хватило. Булыжник был увесистый. Наверное, правильнее было бы выскочить обратно в освещенный коридор и приготовиться к бою. Но я так разозлился, что, не думая, ринулся в темноту, откуда вылетел камень. И тут же в меня вцепилось что-то визжащее и отчаянно царапающее. Я ударил наугад. Промаяхнулся. Инстинктивно отскочил назад, к свету. Неведомое существо бросилось за мной, и я смог разглядеть длинноволосую молодую девушку. За волосы я и схватил ее, потом резко рванул вбок и вниз, так, что она потеряла равновесие и упала.

Жора перед выходом сунул мне веревку, моток ее торчал сейчас из-за ремня, подпоясывающего мой несуразный резиновый костюм. Удалось вытащить ее и довольно расторопно обмотать руки этой сумасшедшей. Она сразу обмякла и больше не сопротивлялась. Сказала мрачно:

– Здесь не насилуй, услышат и убьют. Сразу обоих, не раз-

бираясь.

– Что? – Я чуть не поперхнулся. – Мне больше делать нечего?

– А зачем связал тогда? – Она смотрела с недоумением и замешанным на страхе недоверием. Светлые глаза странно сочетались с темными волосами, точнее, ни хрена не сочетались, а в остальном – очень даже красивая.

– Чтобы себя от неожиданностей избавить, – честно объяснил я. – Будешь себя нормально вести – развяжу.

– Я не стану нападать, – пообещала она довольно искренне. – Меня вообще-то Марой зовут.

– Я должен воспринять эту информацию как гарантию твоей адекватности?

– Да нет... – Она шмыгнула носом. – Просто познакомиться хотела. Ты первый, кто не хочет меня изнасиловать.

Мара... Вроде бы именно так звали дочь староверского лидера из второго Могильника. Неужели она и есть? Теперь понятно, зачем сообщать свое имя, когда не просят. Запугать решила. Или хотя бы придать значения собственной персоне.

Кем бы она ни была, мне показалось глупым оставлять ее связанной. Жору-то уж точно не девицы унесли.

– Ладно. Я – Кирилл. Лучше даже просто Кир.

Узел, как назло, затянулся знатно. Я привычно сунул руку к ремню. Ах да, сперли же эти гадские эльфы мой ножик! Начал дергать, пытаюсь развязать, даже краги снять пришлось.

Мара наблюдала за мной с явным интересом.

– Возьми мой нож. Он в заднем кармане.

Нащупав металл, я вытащил продолговатое нечто. Ничего так планочка с кнопочкой. Нажмешь – и лезвие выбрасывается.

– Чего ж царапалась, если у тебя оружие такое качественное?

– Да я вечно забываю про него, как что случается. От неожиданности, наверное, – объяснила девчонка. – А чего ты сюда забрел-то? Тут чужие не ходят.

Я еще раз внимательно посмотрел на нее. Жора бы, наверное, на моем месте молчал, как партизан, но она вызывала у меня некоторое доверие этакой детской непосредственностью. А вдруг поможет?

– Я с дальнего Могильника, – сказал я, протягивая обратно выкидушку. – Босс куда-то делся, жратву больше не раздает, да еще курыдохнуть начали, как из пулемета. Решили с братом поискать еды на поверхности, случайно сюда забрели, а тут какие-то ушастые. Меня по башке треснули, а брата уволокли. Вот ищу его теперь.

Мара, не мигая, смотрела мне в лицо и молчала. Терпеть не могу, когда так пристально смотрят в глаза.

– Ушастые... – наконец произнесла задумчиво. – Тогда нет смысла его здесь искать.

– Почему?

– Ну как тебе сказать... боюсь, не понравится.

Я подумал, что, может, зря развязал ее. И тут она внезапно вцепилась мне в локоть и со всей дури рванула к стене. Я едва успел вывернуться. Схватил ее за руки, а она зашипела мне в ухо:

– Замри. Слышишь – идут?

Мы с ней буквально вжались в стену за полуоткрытым железным шкафчиком, из которого торчали провода. Не самое лучшее убежище, но больше прятаться было негде, одна темнота и скрывала. Зато отсюда хорошо просматривался коридор, покрашенный облезшей темно-зеленой краской. По нему неторопливо шли двое мужчин, не особо молодых. Что-то в них казалось странным. Ну да, точно: упитанные, лица гладко выбриты, стрижки аккуратные, будто только от стилиста. Откуда здесь такие могли взяться?

Их прикид меня поверг в ступор. Да нет, ничего сверхъестественного: обычная гражданская одежда, только все новое и все по размеру – в наших реалиях такое и представить трудно. Все же ободренные ходят, заштопанные сто раз, ну и вонючие, конечно. А от этих запахов парфюма исходил. И еще один, более приятный – запах говяжьей тушенки, чтоб им пусто сделалось!

Они проплыли молча, будто призраки из параллельного мира. Мара напряженно молчала, потом прошептала:

– Вроде не заметили, слава богу...

– Кто это?

– Я... я не знаю...

Короткую фразу она произнесла весьма фальшиво. Но стоять тут и анализировать ее поведение и интонации – это вряд ли поможет Жорке. Я двинулся в сторону, куда ушли те двое, а спиной прямо-таки ощущал дискомфорт: кто знает, что придет в голову этой стремной девице?

Когда она бросилась догонять меня, я даже не удивился: обернувшись, напряг предплечья, чтобы заблокировать возможный удар, и сразу посмотрел на ее ладони. Неприятная очень эта штука с выскакивающим лезвием, у нас такой недавно парня убили. Стояли рядом, общались, потом один за живот схватился и сполз.

Мара держала в руках черный женский рюкзачок с розочкой и нападать вроде не собиралась. Посмотрела на меня внимательно:

– Не ищи их. Они разозлятся, если обнаружат постороннего у себя под носом. А когда они злятся... Это страшные люди.

– А говорила, не знаешь.

– Я не знаю, правда... Их толком никто не знает, даже если кто у них и работает.

– А ты работаешь у них?

Она начала усиленно ковырять ногтем ремешок рюкзака.

– Это, наверное, не работа или... очень странная работа. Я просто сейчас живу тут, и они меня кормят и обследуют. Даже платят иногда.

– Платят? – Мне стало смешно. – Деньги опять в цене под-

нялись?

– Чего ржешь! – Похоже, она обиделась. – Не только деньгами платить можно. Мне вон то одежку подкинут, то рюкзачок прямо со склада. – Она продемонстрировала уже отмеченный мной рюкзак с розочкой: и в самом деле новенький. – Еще батарейки дают. Пачками.

– Зачем они тебе пачками? Ты что, терминатор? Кстати, дашь одну? У меня фонарик сдох.

Мара впервые улыбнулась:

– Ну, вот ты и сам уже понял, зачем нужны батарейки. Сейчас посмотрю. А кто такой терминатор?

– Неважно, забудь.

Она начала рыться в рюкзаке, а я мучительно размышлял. На кой бы черт ее непонятым работодателям похищать Жору? Чтобы обследовать? Так приди сейчас к нам в Могильник, брось клич, за еду столько научного материала набегит! Еще и конкурс за место устроят. Хватит даже одного запаха говяжьей тушенки, как мне. Или вон «синтетической» копченой колбасы... Пойти все-таки попытаться найти их и спросить? А вдруг у брата с ними какие-то дела были? Он же весь в идеях, с самыми разными людьми постоянно общается и мне всего не рассказывает.

Мара будто услышала мои мысли, сказала хмуро:

– Кир, даже не думай идти к ним. Только навредишь. И не факт, что именно они твоего брата взяли.

– А кто же тогда? Сама сказала: чужие здесь не ходят.

Она протянула батарейку:

– Держи, должна подойти. Чужих тут не бывает. По идее. Но вы же с братом как-то тут оказались. Так что иди лучше пока домой, а я подумаю, что можно сделать. Как наружу попасть, знаешь?

Я помотал головой. Она хихикнула:

– Что, вас с братцем в мешках сюда притащили, как царевича Додона?

– Какого еще Додона? Гвидона, может? И уж тогда не в мешке, а в бочке?

– Я так и поняла, что ты умный, – кивнула девица. – Пошли, покажу выход.

По моим представлениям, мы с Жорой не успели зайти далеко. Однако Мара все вела и вела меня. Коридор сузился, потом она отодвинула скособоченный щит из старого оргалита, за ним зияла пещера, такая же, как наши каменоломни у Могильника. Только плесенью почти не пахло.

Вот тут и пригодилась ее батарейка. Подошла, слава богам, фонарик наконец-то изверг из себя вразумительный свет.

Проход, по которому мы шли, был очень кривой и такой узкий, что приходилось двигаться гуськом. Под подошвой хлопнуло, и я испуганно дернул ногой.

– Не бойся, это не дождевая вода, – предупредила вопрос Мара. – Не с поверхности. Если бы пещеру затапливало после каждого ливня или по весне, в половодье, фиг бы кто вы-

жил. А тут всего лишь грунтовые воды. Вон там и вон там, — она ткнула пальцем в сторону и за спину, — два ключа бьют. Только ты сами родники не увидишь, потому что их, еще когда я маленькой была, зацементировали сверху, от греха подалее, а ручейки направили по трубам к резервуарам. Сам небось знаешь, откуда вы воду набираете.

Питьевую воду мы в Могильнике набирали из трубы, это верно. Кран открывался дважды в сутки на полчаса. Еще я знал, что раз в неделю дежурные ходят вдоль трубы до восполняемой естественным образом цистерны: при необходимости проводят профилактику или ремонт, меняют очистные фильтры, но в основном их посылают туда ради замены аккумулятора в счетчике Гейгера, который возле резервуара установлен. Однако сам я ни разу там не был — не доверяли мне: как привыкли чужаком считать, так до сей поры и считали. А может, причиной недоверия было то, что я казался им «болезненным» — из-за бзиков и заскоков, как называл мои временные помрачения Жора. Как бы то ни было, про родники я слышал впервые. Мне вообще как-то не приходило в голову поинтересоваться, откуда в Могильнике водопровод. Думал, он тут с довоенных времен. А оно вон как — оказывается, его при Маре делали, значит, уже после Катастрофы.

— А попроще нет выхода? — не выдержал я через полчаса болтания в каменной кишке.

— Тебе наружу надо или неприятностей?

Неприятностей мне уже и так хватало, поэтому я молча

шлепал за ней дальше, злясь на то, как все нескладно вышло. Наконец впереди забрезжило что-то похожее на дневной свет. Я глазам не поверил: ну ладно оргалит в качестве двери, ну ладно листы металла с пенопластом и герметиком – это все-таки хоть какая-то защита, для идиотов сойдет. Но чтобы совсем без защиты?!

Мы вылезли в заросшую кустами щель рядом с железнодорожной насыпью, это был западный край городка. Неподалеку находились Волчий лес и Гуслицкий монастырь с почти идеальным радиационным фоном. Что, видимо, объясняло наплевательское отношение к защите на входе в пещеру.

А еще где-то здесь шастали огромные волки, в две секунды разрывающие человека на мелкие кусочки.

Очень не по себе стало. Нацепил респиратор. Надвинул капюшон. Натянул краги. Спросил Мару:

– А ты что без противогаза ходишь?

Она усмехнулась, разматывая провода от наушников:

– Толку-то от этих намордников... Лучше давай пастилками угощу. Помогает от радиации.

М-да. Пастилки от радиации. Это что же в голове должно быть, чтобы до такого додуматься?

Мара деловито порылась в рюкзаке, протянула две коричневые пластинки.

– Держи.

От чего они там помогают – наплевать, я два дня ничего не ел, а пахнет вкусно и еще... смутно знакомо. Только не

могу вспомнить чем.

Я заглотил сразу обе, они сладковатые оказались, но не приторные, то, что надо. И вкус тоже знакомый. Да блин, лакрица же это. Вкус прошлой жизни. Я до Катастрофы успел два раза в Германию слетать – один раз с классом, другой с Жоркой; там, помню, пирожные мне нравились со вкусом лакрицы. Но откуда она здесь, в этом гребаном Куровском?

Мара пританцовывала под музыку в наушниках, мне даже завидно стало.

– Хочешь послушать? – почувствовала, наверное, мое настроение.

Конечно, хочу. Два десятка лет никакой музыки не слушал, кроме криков, храпа и завываний. Застольные песнопения походили на музыку еще меньше, чем вышеперечисленное. Не на чем же слушать, аккумуляторы – большая ценность, разве только у Босса в них недостатка нет. Не на него ли она работает, кстати?

Интересно, что там у нее в плеере? Что было самым популярным перед тем, как все мы попали под землю?

В наушниках играла классика шестидесятилетней давности. Let it be.

– Ты что, любишь «Битлз»?! Откуда это у тебя?

Выглядела девушка года на три младше Катастрофы. Значит, это уже сейчас, в новой реальности, кто-то посадил ее на битлов. А может, это в принципе единственная сохранившаяся у крысоедов запись...

— Я живу в них. — Мара нетерпеливо протянула руку: забрать, потом вдруг расщедрилась: — Давай одно «ухо» тебе, другое — мне.

Не то чтобы я слишком любил эту песню, но она унесла меня. Как будто не было всего этого ужаса. Я опять стал школьником со всеми нелепыми, но искренними надеждами на будущее. Я ведь и английский знал неплохо, а сейчас почему-то удивился, что понимаю текст:

*Когда мне трудно,
Мама Мэри приходит —
Говорит слова шепотом: «Это должно быть».
И в мой самый темный час
Она рядом и говорит слова шепотом:
«Это должно быть».*

Когда-то я неоднократно слушал эту песню, но не вдумывался в смысл. А сейчас вдруг ощутил каждое слово.

*И когда люди с разбитым сердцем
Согласятся жить в мире,
Будет ответ, пусть будет.
Даже если они расстались,
Есть еще шанс, что они встретятся...
Будет ответ, это должно быть.*

Над заброшенной железной дорогой плыли тяжелые тучи. Потемневшее небо выветрило все воспоминания. Собирал-

ся дождь. Надо искать, где укрыться, но Мара беспечно при-
танцовывала, будто ее ничего не касается. Ее покачивающа-
яся стройная фигурка в черной футболке на фоне бежевой
коробки комбината и грозовых туч выглядела чужеродным
кусочком мозаики. И тут боковым зрением я углядел серую
тень в кустах у железнодорожной насыпи. Да, я слышал, что
волки-мутанты большие, и как они воют, тоже слышал. Но
когда вот так видишь рядом дикую собаку размером с ло-
шадь, ну, пускай с хорошего пони, в животе очень неприят-
но холодеет.

– Мара! – Я тронул девушку за плечо, показав глазами.

– Не бойся, – равнодушно отозвалась она, – он сытый. Но
ага, пошли отсюда. Тебе пора, да и мне тоже.

Она забрала у меня наушник, выключила допотопный
кассетный плеер и сунула его в рюкзак.

Глава вторая

Мы бодро топали по улице Советской. Насколько я помнил топографию этого чудесного городка, до Новинского шоссе, выводящего к моему Могильнику, еще идти и идти. Казалось, пятиэтажки с пустыми окнами и увитыми ядовитым плющом стенами не закончатся никогда. И тут черт меня дернул задрать голову и посмотреть в зенит. Бескрайнее небо вцепилось в меня, потянуло, засосало... Когда годами живешь под землей – у кого хочешь агорафобия разовьется. Выхватывать периферическим зрением тучи – далеко не то же самое, что осознанно поднять глаза и встретить ответный взгляд неба. Голова закружилась, грудь стиснуло стальным обручем, невыносимо захотелось забиться в какую-нибудь из заброшенных «хрущевок». Полцарства, что называется, за предлог, чтобы укрыться в подъезде!

– Стой! – дернула меня за рукав Мара. – Сюда лучше не наступать.

Я даже не понял, что она имеет в виду, позволил девчонке вести себя, будто слепого, затем кое-как собрался, надвинул поплотнее резиновый капюшон и ускорил шаг. Чтобы быстрее вернуться домой. Под землю.

Кстати, не все из местных были привязаны к Могильнику так же, как я. Многие считали, что давно пора выйти наружу, выгнать из монастыря волчью секту и устроить там пти-

цеферму, раз фон нормальный. Тем более что напротив, в окрестностях психушки, сохранилось много скотных сараев – так докладывали сталкеры. В последнее время даже сходки устраивали по этому поводу – со спорами, переходящими в драки. Парня выскакивающим лезвием зарезали как раз на таком мероприятии.

Спорили о том, почему у монастыря не фонит. Кто-то говорил, что там благодать, а кто-то – что неизвестная аномалия, которая, может, еще хуже, чем радиация, на человека действует. Нынешние куровские староверы называли себя Свидетелями Чистилища и запугивали всех, кто хотел выйти на поверхность. У них такая идея была: вся эта Катастрофа – Конец Света, который Бог наслал за наши грехи. И те, кто смог выжить, еще не имеют права лицезреть новый мир. Чтобы такое право получить, они должны отсидеть какой-то определенный срок в Чистилище. Этим Чистилищем крысоеды назначили несчастный скифский Могильник, в котором скрывались от последствий Апокалипсиса. Вот интересно было бы посмотреть на коллективный когнитивный диссонанс, когда выяснилось, что помимо первого есть и второй Могильник с выжившими, и подземелья с засевшей под комбинатом бандой Босса. Наверняка в рядах староверов возникло много разногласий относительно того, являются ли все остальные тоже избранными. Иначе получалось, что они там в своем Могильнике два десятка лет блюли заповеди и придерживались всевозможных ритуалов, платочки белень-

кие носили и так далее – а по соседству другие люди не молились, не постились, даже наоборот – разными непотребствами занимались, а вот поди ж ты, тоже живехоньки! Обидно, наверное.

«Свидетели» раздражали меня всем, начиная с истерических голосов навязчивых проповедников и заканчивая одежками, в которые они упорно рядились. Первобытно-общинный строй со всеми ценностями и укладом, естественно, прилагался. Впрочем, сегодня я имел счастье убедиться, что не все крысоеды одинаковы. Оказывается, встречались и такие, не разделяющие религиозных убеждений большинства представителей общины. А ведь это, на минутку, дочь главы староверов!

...Мы с Марой уже почти рысью продвигались по Советской, временами продираясь сквозь опутавшие асфальт стальные нити мутировавшего выюнка. Я нещадно потел в своем резиновом коконе и совершенно непоследовательно завидовал девице в одной футболке и без респиратора. Неожиданно из-за потрескавшегося угла пятиэтажки появилась женщина лет тридцати с белесыми ресницами и каким-то коровьим, что ли, выражением лица. Она испуганно озиралась, но нас явно не заметила из-за разросшихся кустов. Потопталась у обочины и перебежала на нашу сторону дороги так робко, будто ожидала, что сейчас от светофора на нее помчится поток машин, навсегда застывших на стертой временем стоп-линии. Я даже не успел удивиться. Ветер

донес обрывки ругани, и вскоре сквозь ветви кустов я увидел группу людей. Этих самых «свидетелей» в длиннополых льняных тряпках.

Даже мне стало не по себе, хотя что они могли мне сделать? Заболтать до смерти? А незнакомая женщина явно перепугалась еще больше. Заметалась, привлекая к себе внимание, снова выбежала на дорогу. Стояла бы спокойно, может, и не заметили бы ее среди кустов, но это ж нужно самообладание, а его у нее явно не водилось, тем более в стрессовой ситуации. От толпы тут же отделились два парня. В несколько прыжков они оказались рядом с женщиной, схватили ее под руки и поволокли к остальным. Та громко зарыдала; один из парней, не глядя, шмякнул ей ладонью по лицу; она затихла, продолжая сосредоточенно перебирать ногами.

Наблюдая за сценой, я упустил из виду Мару, а она в это время, оказывается, отломала длинную массивную ветку с густой порослью и выскочила с ней на дорогу перед парнями.

– Лизка, беги! – завопила девица.

И со всей дури стегнула своим разлапистым орудием ближайшего к ней парня. Он выпустил Лизину руку, но та не воспользовалась замешательством, хотя вторую руку в такой ситуации тоже можно было бы освободить без труда.

– Лизка... – В голосе Мары прозвучали огорчение и разочарование.

Староверы двинулись в нашу сторону. Вперед вырвался старикашка с кудлатой сальной бородашкой – то ли этот са-

мый, то ли похожий встречался мне в нашем Могильнике, когда такая же вот толпа приходила проповедовать. За старикашкой, не отступая ни на шаг, следовала баба в кипенно-белом платке.

Дедок без предисловий вцепился Маре в рукав:

– Мария! Тебе надо быть внизу!

– Отстань!!! – Девушка яростно отдирала от себя его руки, но старикашка, как репей, тут же ловко перехватывался.

– Божена, где мешок? – крикнул он бабе в платке. – Накинь ей на голову!

Наблюдать дальше я уже не мог. Вынырнул из кустов, подбежал, отцепил это чудо природы от Мары. Она тут же скрылась в ближайшем подъезде, а я влип основательно. Старикашка уже висел на мне и орал в ухо, брызжа слюной:

– Верни мне дочь, безбожник! Где твоя совесть?

Рядом Божена с каменным выражением лица расправляла мешок, как будто всерьез готовилась засунуть меня в него. Два амбала продолжали выворачивать руки несчастной Лизке, которая смирилась и больше не издавала никаких звуков. Мне это все порядком надоело. Я схватил дедка за плечи, встряхнул. Цепкие лапки разжались.

– Вашу дочь вернуть не могу, поскольку у меня ее нет. Вот! Видите? Ни в карманах, ни в рукаве, ни за шиворотом. Мы с ней познакомились меньше часа назад. Вопросы есть? Нет? Тогда досвидос! – И я собрался уходить, но меня стали хватать за руки еще какие-то невменяемые. Они требовали

немедленно спуститься под землю и никогда оттуда не выходить, потому что небо теперь не для людей и я что-то там нарушаю. Ага. Интересно, а сами они что, не люди? Почему сами-то тут шляются? Или перед Богом все равны, но некоторые равнее?

Кроме старца с сальной бородашкой, все незнакомые, не из нашего Могильника, да и запомнил бы я эти хари, если бы в гости такие пришли. С одной стороны, жаль: взывать к совести или голосу разума легче, когда оппонент тебе знаком. С другой стороны, очень даже хорошо: дойди дело до реальной потасовки, сворачивать носы и выбивать зубы психологически проще чужакам.

– Ищите ее, она там! – Отец Мары царственным жестом указал на подъезд пятиэтажки. – А его вниз!

Крайне глупо было вступать в конфликт – мне надо спасти брата. Да и ничего плохого или обидного этот приказ бесноватого лидера не нес: мы все жили «внизу». И «внизу» действительно нужно было проводить большую часть времени, чтобы сохранить остатки здоровья. В конце концов, я же сам не так давно, поддавшись приступу паники, стремился куда-нибудь заныкаться. Но вот тон отданного приказа меня просто-таки взвел, будто курок.

– А чего это ты раскомандовался? – полюбопытствовал я, повысив голос.

– Ты на кого орешь, безбожник? – Дедок даже задохнулся от удивления.

Тут вся эта малопривлекательная компания окружила меня, кто-то попытался шарить у меня по карманам, получил щелбан, за него, конечно, вступились товарищи... Дрались они из рук вон плохо, не то что мужики из нашего Могильника, мне даже прорваться сквозь их строй удалось, уронив по ходу дела нескольких блаженных. Я дернулся в сторону шоссе... И едва не напоролся на вилы, выставленные старушкой – божьим одуванчиком. Перестал сопротивляться. Не съедят же, в конце концов. Подумал так, и нехорошо мне стало. Голод может быть не только у нас. Если староверов те же беды затронули – еще как съедят, фанатики проклятые, глаза-то у всех совершенно безумные! Про волкопоклонников же говорили, что они охотятся на людей, а эти чем лучше? Христианского в них точно мало осталось.

На плечах повисли сразу трое. Я упал; они, конечно, пинать начали, подняться никак не получалось, респиратор чьим-то метким сапогом свернуло на ухо, нос всмятку...

– Ну что за безобразники! – раздался с небес певучий женский голос. – Матвей, скажи им!

От меня тут же отстали, я сел, отплеываясь. Глаза после близкого общения с землей еле открылись.

– Пойдем, Матвеюшка, – продолжала женщина. Я разглядел обладательницу кипенно-белого платка со славным именем Божена. Удивительное дело: бабу эту я совершенно точно не помнил, а вот ее тембр и интонации хорошо знал, потому что многократно слышал в своем Могильнике – облада-

тельница певучего голоса частенько отмаливала заболевших в специально отведенных для этого местах за ширмой. – Не возись с дураком, его и так Бог наказал и пуще прежнего накажет. Лучше Машеньку найди, дочку свою, спасти ее надо.

– Ма-ри-я!!! – оглушительно взвыл старикашка, тряся бородой. – Мария, домой иди, шалава гулящая!

– Не кричи, не послушается она, – все тем же певучим говорком возразила Божена, беря его под руку, – раньше надо было воспитывать. Мамка-то ее в Бога не верила и дочь не научила, испортила ребенка.

– Я научу, – пообещал Матвей, – в стену замурую, еду на палке буду просовывать, взмолятся на другой день.

– Ты еще поймай ее.

– Поймаю, никуда она не денется...

Дальше стало не слышно. Вся компания уже двигалась по направлению к Вокзальной улице и нашему Могильнику. Я заметил, что Лизка, из-за которой, собственно, я и получил этот чудесный опыт, резво топает вместе со всеми, и прилежание ее выглядит вполне добровольным.

Дождавшись, пока крысоеды отойдут достаточно далеко, я пошкандыбал в том же направлении. Надо, надо звать на помощь кого-нибудь из Могильника. Один я не справляюсь, уже убедился. Ради плюсика в карму, конечно, никто из соседей не пойдет, но гипотетический продуктовый склад, существовавший, правда, лишь в виде тушеночного духа, наверняка многих заинтересует. А какие еще варианты? Даже

если и найду Жорку сам – его же наверняка кто-то удерживает, разве тут справишься в одиночку? Меня вон полудохлые религиозные фанатики одолели, пусть не умением, так числом. А те, кто брата утащил, пошустрее будут. Эх, автомат бы!..

И тут мне представилось, как Жорка валяется избитый в этих подвалах, задыхается и хрипит, а я иду не к нему, а совсем в другую сторону. Все плохо, что ни делай...

– Кир... – Вот же умеет она внезапно появляться, действительно «как из-под земли»! – Ты фонарик выронил. Держи.

– Мерси. Я не ронял, у меня его твои из кармана вытащили. Поздравляю, кстати: папаша у тебя просто чудесный.

Мара поморщилась:

– Да он нормальный был раньше, это все его новая жена.

– Ух ты! Сказки про злую мачеху по-прежнему актуальны?

– Что?

– Ничего.

– У тебя нос разбит. И глаз заплыл.

– Да неужели? – раздраженно процедил я сквозь зубы, прилаживая респиратор так, чтобы не сильно давил на расквашенный нос. Болит, зараза! Но не хрустит – стало быть, без перелома.

– А куда ты идешь?

– А я уже должен отчитываться?

– Не должен. Просто... ты ведь брата ищешь, я помочь тебе собиралась.

– Уже помогла, спасибо.

– Ты же сам полез.

– Лучше было спокойно наблюдать, как тебя запихивают в мешок? Кстати, ты в курсе? Твой родитель собрался замуровать тебя в стену и подавать еду на палке.

– Пусть поймают сначала, – безмятежно отозвалась Мара и вытащила очередную пастилку. – Хочешь?

– Тебя Босс по-нормальному не кормит? Или он сам тоже лакрицей питается?

Она нахмурилась.

– Ты бы не говорил, о чем не знаешь. Тем более если брата хочешь спасти.

Пробный камешек, брошенный мною наугад, отскочил обратно: из ответа Мары невозможно было понять, правильно ли я догадался, что ее работодателем является наш Босс. Ведь если мои подозрения верны, то, получается, он жив-здоров и находится где-то неподалеку, а общину перестал подкармливать, потому как надоело, а не потому что власть сменилась или, скажем, потому что помер он от несварения желудка.

Девушка остановилась посреди дороги и снова вытащила допотопные наушники. Интересно, на каком деревенском чердаке она их нашла? Таких и в нормальные-то времена не выпускали уже лет дцать. Неужели на складе Босса не на-

шлось чего получше?

Все же как странно выглядят ее светлые глаза в сочетании с черными волосами...

Со стороны монастыря донесся душераздирающий вой. Мара даже не пошевелилась. Конечно, ей же не слышно за битлами. А я стою рядом с ней, как идиот, и сам не понимаю, зачем теряю время. Лучше уж снова наудачу лезть в эти стремные коридоры и искать Жорку самому, чем надеяться на какую-то психованную меломанку.

Она вдруг посмотрела на меня в упор и сдернула наушники:

– Кир, я не люблю, когда мне не доверяют.

– А с чего я должен тебе доверять?

– А кому еще? Разве у тебя выбор есть? Ты же умный, понимаешь, что, кроме Босса, никто не поможет, а я с ним хотя бы знакома.

Логично, черт возьми. Мне захотелось спросить, какая ей выгода помогать мне. Но вместо этого поинтересовался:

– Ну хорошо, предположим, ты знаешь Босса и даже входя в число приближенных. Когда ты собираешься с ним поговорить?

– Ты же понимаешь: Босс – это Босс, к нему запросто не придешь, момент удобный искать надо.

И не поспоришь же! Боссы – они такие. Даже если они у нас с ней разные. Я вон нашего за четыре года ни разу не увидел, так чего же могу требовать от сопливой девчонки с

плеером? Как получится – так получится. Но Жорка, может, десять раз уже умрет за это время...

– Давай ты поищешь этого своего... момента, а я все-таки по коридорам пошарю. Мы с братом не ели два дня, вдруг не дождется он обещанного спасителя?

Мара вдруг как-то просела и сгорбилась, будто шарик воздушный проткнули:

– Да не найдешь ты его в коридорах... – Голос прозвучал обреченно. – Лучше дождись меня. Я в монастырь схожу.

– Это еще зачем?

– Ну... попрошу, чтоб удача была.

– Ты разве такая же, как твой папаша?

Ее светлые глаза зло сверкнули.

– А он как раз в монастырь не ходит. Ему волков страшно. Поэтому и выдумал эту свою сказочку про Чистилище.

– Это не он, это тыщи лет назад придумали. Эх, молодежь, молодежь...

– Какая разница когда? Главное, с некоторыми до сих пор срабатывает. Ты же видел, как Лизка перестала дергаться и пошла с ними? А ведь ее там бьют. У нее муж, который из нее бесов каждый вечер выколачивает.

У меня перед глазами встали жалкие коровьи глаза этой несчастной Лизки.

– Не из-за вероучения же она пошла! – Я чувствовал, что меня необъяснимым образом задела слова Мары. – Как она одна прокормится, если уйдет?

– Да есть варианты, – спокойно возразила девушка, – к Боссу можно подрядиться на опыты, в ваш Могильник, в конце концов...

Нет, все-таки Мара плохо ориентировалась в жизни... в том, что осталось от жизни... В Могильнике самим жратвы не хватает. Раньше, может, и приняли бы, может, и рады были бы. Но сейчас... Кому нужна лишняя невразумительная баба второй молодости?

Мара сосредоточенно сматывала свои старые наушники.

– Этот монастырь правда работает, – сказала она. – Как-то раз, еще, наверное, года три назад, я совсем захандрила, и мне стало все равно, умру я от радиации или нет. Я решила забить на все запреты и пойти наверх. Проследила за нашими сталкерами, запомнила, где они на поверхность выбираются. Вышла на Советскую... Ну то есть это сейчас я знаю, что улица Советской называется, а тогда для меня это был какой-то дивный новый мир. Звуки, запахи, краски... Пусть все опасное и незнакомое, но я же в таком состоянии была, что мне на страх наплевать, даже на страх смерти. Думаю, хоть напоследок насмотрюсь на город. И как назло, вокруг лишь пятиэтажки раздолбанные, одинаковые до тошноты, никакого утешения. А мне хотелось красивого. Я знала, что за железной дорогой речка и церковь с куполами, мне отец про нее рассказывал. Я и пошла поглазеть на купола. Полюбовалась, хотела идти обратно и вдруг подумала, что раньше девушке нельзя было туда проникнуть, монастырь

мужской ведь был. А сейчас все по-другому, сейчас многое можно из того, что раньше запрещалось. И я прошла мимо бывшей психушки, только я не знала, что это психушка, пока название на вывеске не прочла... И, короче говоря, зашла в монастырский храм. Там я упала на колени, хотя сначала и мыслей таких в голове не было, и попросила, чтобы жизнь стала чуточку лучше. И очень скоро после этого наши выяснили, что в монастыре фон нормальный.

Если честно, симпатии у меня ее монолог не вызвал, особенно после общения с фанатиками. Но кое-что в голове начало складываться. Вспомнилось, какими были ее первые слова после нашего «знакомства»; вспомнилось, как она позже сказала: «Ты первый, кто не хочет меня изнасиловать»; вспомнилось, что она постоянно со страху забывает про свой нож с выкидным лезвием... Господи ты боже мой, неужели с ней это происходило не раз?! Неужели какие-то мужики, будь то жители Могильника или люди Босса, регулярно насиловали ее?! И когда же, интересно, это произошло впервые – уж не в тот ли день три года назад, когда она «совсем захандрила», когда ей стало все равно, умрет она от радиации или нет? Бедная девочка! Тогда понятно, отчего она такая... странноватая. Подобные вещи не могут не сказаться на психике. Пастилки, отсутствие противорадиационной защиты, патологическое бесстрашие по отношению к волкам-мутантам и вместе с тем – паническая боязнь незнакомых мужчин... Теперь вот еще вера в некие потусторонние силы при

монастыре, которые девичьи желания исполняют... Да ведь она точно двинутая!

На всякий случай я попятился и осторожно покивал:

– Ну, может, и правда, что-то там есть. Почему ж не быть-то? Ты извини, мне пора, я за брата очень переживаю. Давай ты Босса своего попробуй достать, а я пока так поищу.

Она сердито мотнула головой:

– Нет. *Так* не надо. Только испортишь все. Лучше сиди ровно. Я быстро сбегая, попрошу и – сразу к Боссу. Давай, короче, опять тут часика через три. Нет, я, наверное, могу и раньше успеть.

– Предлагаешь мне погулять, последнее здоровье попортить?

– Ты ж пастилок поел.

– Тебе пора зарегистрировать секту Свидетелей Пастилок, будешь иметь успех, – криво усмехнулся я.

– Дурак ты, Кир, хоть и в отцы мне годишься, – досадливо скривилась она. – Сама не знаю, зачем взялась помогать тебе. Хрен с тобой, иди в свой Могильник или куда хочешь. Лезь в нору. Прячься. Я через два часа подойду к вашему пролому, только не близко, мне неприятностей не надо. Там домик есть с дебильной башенкой, около него встретимся.

И она шустро потопала к железнодорожной насыпи, красно-белая розочка на черном рюкзаке мелькала меж кустов.

Прикольная она, конечно. Но эта ее махра в голове... Нет, ну как же жаль ее! Это ж такой возраст, когда любви хо-

чется, нежности, признаний-откровений. Я же помню, как это у барнаульских девчонок было двадцать лет назад. Может, реалии и стали иными, да вот только в природе женской вряд ли сильно что-то поменялось. Как раньше, так и теперь им нужен любимый, принц, муж, хозяин очага, глава семьи, человек, который подарит все звезды и луну в придачу. Мне кажется, у каждой лет с тринадцати-четырнадцати голова этим забита. А тут... Ведь не жениться на ней хотели эти самые мужики, не любовью с ней заняться, не провести вместе ночь из-за взаимной симпатии и по обоюдному согласию, чисто «для здоровья». Нет, ее собирались взять силой, причем неоднократно собирались. И, вполне вероятно, регулярно брали. Тут любой чокнется от постоянного стресса. Хотя, возможно, Мара только прикидывается чокнутой. Без мозгов сейчас не выжить, тем более в одиночку. Вдруг мои выводы ошибочны и не было никаких изнасилований, психических травм и всего прочего, что мне напридумывалось? Вдруг она мне просто мозги пудрит в расчете, что пожалею и полностью доверюсь?

Черт, никому верить нельзя. Почему она оказалась в том коридоре, сразу после того как Жору похитили? Случайно ли?

Я осмотрелся. Вокруг – пятиэтажки и какие-то совсем уж доисторические трехэтажки цвета детской неожиданности. Там, где краска облезла, торчит еще более дурацкий розово-поросячий прежний слой. На одной из стен черной крас-

кой намалевано «Локи». И рожа страшная рядом в профиль. Огромный нос, козлиная борода. И сразу два хитрых глаза на одной половине лица, как у камбалы...

И вот тут-то оно и включилось.

Кир сразу сник и сгорбился, почувствовав присутствие посторонней реальности. Как всегда, помогла злость на себя и происходящее. «Соберись, псих, – сказал он себе, – и так-то непонятно, что делать, а тут еще твои тараканы. Давай действуй!»

Ноги понесли его к Могильнику. Дождевые тучи прошли западнее, не выпавший дождь оставил в воздухе влажную духоту. Впрочем, с востока быстро напозало толстое серое облако, и ветер снова нервно трепал деревья. Кажущийся спокойным пейзаж оставлял смутное ощущение тревоги.

Вдруг в дальних кустах что-то шевельнулось. Воробышки по кустам не скачут. А кроме них здесь шевелиться может только... Кир замер прямо посреди пустыря. Конечно, это волк. Тут могут быть только волки и жрецы-волкопоклонники, которые не то что спасать не кинутся – сами с удовольствием скормят случайного путника своим гигантским собачкам. Побегать или остаться стоять? Говорят, некоторые животные видят лишь движущиеся объекты. А если он все равно нападет? Мара утверждала, что он сытый, но вдруг это другой? На счет «три» нужно рвануть в укрытие, только бы добежать... Раз!

Кусты качнулись, два пронизывающих глаза показались и тут же скрылись в листве. Кир боязливо озирался по сторонам.

Ушел, что ли? И оцепенение накатывает. Отходняк, по-ди? В самое, блин, время. Сил будто совсем не осталось, дотянуть бы до лаза, пока зверюга голодных друзей не позвала.

Неприятный холодок перестал бегать по спине, только когда удалось продвинуться метров на пятьдесят в глубь извилистой каменной кишки. Под ногами наконец знакомо хлопнуло. Как Мара ходит по этим лужам и не болеет? Неужели ее пастилки и правда от лучевой болезни помогают? Ах да, это же неправильные лужи. То есть как раз правильные, родниковые. Так, теперь бы не заблудиться в коридорах. Интересно, лампочки сами все перегорели или кто-то, уходя, вырубил свет?.. С батареей гораздо веселее.

Луч света вырывал из серой темноты то кусок оштукатуренной стены, то сколотый угол кирпичной кладки, то бетонный пол. Киру казалось, будто за ним кто-то следит, за каждым поворотом могли быть люди, злобные-злобные люди...

Внезапно запахло прелыми листьями, влажной землей, лесными гнилушками и грибами. Кир остановился как вкопанный, заозирался, мазнул лучом по камням слева-справа, по мрачным полукруглым сводам, по истертым булыжникам под ногами. Когда он успел забрести в это древнее под-

земелье?! Ведь еще минуту назад он шлепал по осыпавшейся со стен серой штукатурке, а над головой у него болтались обрывки электрических проводов! Откуда же взялся этот коридор, больше похожий на потайной ход какого-нибудь средневекового замка? И двери! Куда делись двери?!

— Положи, он тебе вовсе не нужен! — прошелестела влажная темнота впереди, за некой границей, которую никак не мог проткнуть слабенький луч. — Здесь так уютно, когда нет света!

Действительно, Кир буквально физически ощутил, насколько комфортно ему могло бы быть, кабы не фонарик. Шустро нагнувшись, Кир положил его на пол... и не смог распрямиться — так и стоял, склонившись в три погибели, рассматривая рисунок, образованный щелями неплотно подогнанных булыжников.

— Не задерживайся! — поторапливала его темнота. — Иди сюда! Здесь так уютно! Здесь так спокойно... так сладко... так мягко...

Не странный шепот и не интонации, а что-то другое, находящееся вне разума Кира, обещало ему всевозможные удовольствия — и он свято верил, что все так и будет, стоит ему оставить фонарик на полу и пойти туда, в блаженный мрак, во власть желанной духоты и влажной прелости... Но пол! Пол приковывал его взгляд, не давал сосредоточиться на мечте о незамедлительном обретении покоя и всеобъемлющей радости. Пол был неправильный. Непра-

вильный! Пол шевелился, тек, двигался, как траволатор в аэропорту, как конвейерная лента на заводе! При этом Кир оставался на месте.

– Поспеш! – *стонала темнота в сладостной истоме.* – Иди сюда! Ведь нам так хорошо вместе!

Бр-р... Я потряс головой и изо всех сил уцепился за руку. Возвращайся в реальность, придурок! У тебя брат пропал, единственный родной человек, а ты свои психованные мультики смотришь!

Мерзкая рожа Локи начала таять... Ну вот зачем было тащиться за незнакомой девицей, да еще вступать в конфликты с ее родственниками вместо того, чтобы искать Жорку? Правильно она дураком тебя назвала!

Огляделся. Дьявол вас всех возьми! Пока Локи водил меня на экскурсию по параллельному миру, в реальности какие-то потусторонние силы развернули меня и привели буквально туда же, где я был час назад. Вон там Мара дала мне послушать Let it be, а если пойти вон тем проулком, можно выйти к иномарке, крышу которой проткнул борщевик. Да что ж за невезуха такая?! Столько времени и сил потратил, двигаясь на восток, а оказался снова на западе!

Вдох-выдох, вдох-выдох. Спокойнее, Кир, спокойнее. Городок небольшой, ты уже дважды за сегодня пересек его, пересечешь и в третий раз.

Вон он, чертов комбинат. Позже ты сюда вернешься, толь-

ко уже с подкреплением. Допустим, Мара ошибается, и брата не уволокли туда, где самостоятельно искать бесполезно, а тоже оглушили, обобрали и бросили; он пришел в себя и не может выбраться. Что немудрено – ты ведь и сам нашел выход только с помощью Мары.

С неба все-таки закапало. Если сделать небольшой крюк к железной дороге, окажется почти по пути, а под землей хоть голову отравой поливать не будет. Ну и что, что Мара настаивала, будто в подвале ты огребешь еще больше неприятностей? Хуже, чем сейчас, тебе не станет. Не пропустить бы только дыру, которую показала чудная девица в черной футболке. Вот в этих кустах, кажется.

Встав на колени, я залез в подземный ход. Вроде раньше он был шире. Неужели не тот? Да нет, вроде расширяется... Сказал бы еще мне кто, как ориентироваться в этой кроличьей норе, чтобы к нужному выходу попасть, а не в Австралию, например. О, супер, пошли бетонные стены, коридор с проводами. А что, если ту, первую дверь на выходе из цокольного этажа заперли? Ключ-то у Жорки...

Знакомая лестница, по которой мы с братом спускались сюда утром, никак не появлялась. Отдаленного рокота, который я несколько часов назад принял за звук работающего генератора или станка, тоже не было слышно – но это не означало, что я иду в неправильном направлении, агрегат могли попросту выключить.

Коридор сузился, луч фонарика теперь скользил по кир-

пичной кладке, а вовсе не по оштукатуренному бетону. Начался заметный уклон вниз, я точно такого не помнил. Попытался повернуть назад, однако бетонных стен не было и позади; наверное, сбился на каком-то из поворотов. Вот ведь гребаный лабиринт! Решил идти в прежнем направлении, хотя меня уже колотило от голода и переживаний. Неужели мои глюки повторяются наяву?! Неужели сейчас и каменные своды появятся, и неправильный движущийся пол, и говорящая темнота?!

В какой-то момент неистово запахло медикаментами, я аж остановился от изумления, покрутил головой. Под потолком – пара темных окошек в два кирпича. Отдушины? Сразу вспомнился фильм «Пестрая лента» и вопрос Холмса: «Вы видели когда-нибудь, дорогой Ватсон, чтобы вентиляционное отверстие вело не на улицу, не на чердак, а в соседнюю комнату?» Интересно, кто это догадался вывести отдушины из подвала в подвал? И что там, за стеной, так нестерпимо воняющее йодом, спиртом, антисептиком и тальком? Лазарет, что ли? Или склад лекарств? Надо взять на заметку. Но не сейчас, не сию минуту. Мне бы до дома добраться, а с запахом потом разберемся.

Через час блужданий я выдохся, сел и выключил фонарик. Тут же заметил, что впереди наверху брезжит что-то похожее на дневной свет. Еще не дойдя, стал прикидывать, как вылезти с помощью Жоркиной веревки, зацепив ее за...

Все оказалось проще. К пролому в низком потолке кто-

то криво прислонил кусок строительной стремянки. С трудом вскарабкавшись по шатким ступенькам, я высунул голову из дыры, с опаской огляделся. Похоже, я оказался в каменном оголовке аварийного выхода из бомбоубежища. Его пространство наполовину было забито мусором. Прокопав себе дорожку в слежавшейся бумажной трухе, груде костей, веток и мятых пластиковых бутылок, я добрался до приоткрытого люка толщиной в мою ногу, со штурвалом поворотного запорного механизма по центру. Выглянул наружу. Что за наваждение?! Знакомые места с незнакомого ракурса! Примерно отсюда мы сегодня с Жоркой начали свой путь. Вход в наш Могильник находился метрах в ста, буквально вон за теми домами. Но как такое может быть? Что это за люк, что это за аварийный выход? Почему никто из наших им не пользуется? Неужели не знают о его существовании? Или как раз знают и пользуются (кто-то же приставил стремянку к отверстию там, в самом низу!), но держат от большинства обитателей Могильника в секрете?

Или не от большинства, а только от меня и Жоры?

Глава третья

В Могильнике самоорганизовалось очередное собрание на тему «как сдохнуть не сейчас, а по возможности позже». Обсуждали последние новости – несушки склевали новую кладку яиц и спустя короткое время почти все передохли. Не иначе как с горя.

Никто не понимал, в чем дело, но версии были разнообразные – от биологической атаки до насылаемой порчи. Два местных бузотера – Васек и Серега – собирались отстаивать свои точки зрения кулаками, но энергии, видимо, не хватало с голодухи.

– Ты че, пададь жрать? – глухо бубнил Сергей. – Знаешь, што ль, от чего они подохли? Заразу себе в потрохапустишь!

У Василия кровоточили десны, он с трудом шепелявил:

– Ты есё веганом, блин, стань, у них васае все пададь.

– У тебя детей нет, сдохнешь – никто не поплачет.

– А ты давай, устрой своим лесебное голодание! А то у них фигуры не sibko стройные.

– Ты мне еще пошутить про моих детей, урод! – Серега сделал неубедительный выпад в сторону противника. Тут все присутствующие возмущенно загалдели. Драка заглохла, не начавшись.

В итоге решили дохлых кур не есть. Кто-то из стариков напомнил, что микробы вообще-то при термической обработ-

ке погибают, но брать на себя ответственность за риск никто не хотел. Потому что другой дедуля авторитетно заявил, что кипячением избавляются от вирусов, а не от микробов. Вот, дескать, когда в начале двухтысячных буйствовал в стране птичий грипп, который, как известно, вирус, народ массово кипятил посуду, одежду и прочие бытовые предметы. Правда, кипятили ли при этом птиц – разносчиков заболевания, дедуля запамätовал.

Был бы тут брат, он бы, может, и разрешил сомнения дуреющих с голоду соседей. Но брата тут не было.

Дождавшись относительной тишины, я подошел к помирившимся друганам:

– Жору похитили, слышите?

– Поси́тили и поси́тили, тозе мне новости, – хмыкнул Васек.

– Все время кто-то пропадает. И че нам теперь, искать всех, што ль? – пожал плечами Серега.

Нет, они все же долбанутые, мои замечательные соседи. Если никого не искать, то скоро и некого будет, и некому. Выродимся же, на фиг. Конечно, понять их можно, своя шкура дороже, тем более мы с Жорой люди пришлые, в «уважаемый коллектив» полноценно не влились, всегда особняком держались. Уж точно не друзья им, это правда. Придется Харитона просить. Его мне есть чем заинтересовать, ему есть чем народ стимулировать.

У Харитона было то, о чем мечтали многие: отдельное жи-

лье. Он ловко обосновался в блиндаже времен Второй мировой, который нашли, когда пытались расширить Могильник. Наташил туда кучу одеял, подушек и куда менее внятных предметов роскоши вроде здоровенного массажного кресла с оборванными проводами. Короче говоря, пришел я к нему в это логово. Не стал дожидаться, когда Петрович (то ли «шестерка», то ли телохранитель, то ли дворецкий, то ли адъютант) доложит обо мне, отодвинул мужичка плечом и протиснулся внутрь. Хозяин валялся на одеялах и что-то насвистывал.

– Мое почтение! Тут такое дело...

Харитон флегматично досвистел фразу до конца и лишь потом откликнулся:

– Хоть бы кто без дела пришел. Привет, убогий! Что стряслось?

– Жору похитили.

– Ну-ка, ну-ка, покажи свою рожу! – с интересом приподнялся он на локте. – Ай, красава! Ну прям расписной! Это наши тебя отделали?

– Нет.

– Те же, кто брата похитил?

– Нет. Да какая разница?! – психанул я. – Считаю, что я с зеркалом подрался!

– Ишь ты! Шутник... Ладно, выкладывай. Давно похитили?

– Сегодня. Несколько часов назад.

– А тебя, болезный, не захотели красть? – Местный философ сощурился и захихикал в бороду.

– Очень смешно. Мы искали продовольственный склад на меланжевом комбинате...

– На комбинате? – Харитон подался вперед, отчего его живот приобрел еще более округлые очертания. – Неплохо. И как же вас туда занесло?

– У Жорки был ключ. Точнее, несколько ключей на связке.

– Козырный аргумент!

– Мы надеялись, что один из них будет как раз от склада. Но дальше главного коридора в подвале пройти не смогли – напали на нас...

– Погоди-ка, погоди-ка! Что значит – напали? Не остановили, не задержали, не заключили под стражу, не спросили, что почем, паролы-явки?

– Да какое там! Исподтишка подобралась, обоим по башке дали – и привет! Меня в отключке валяться оставили... правда, подальше от главного коридора отволокли. А Жорку на моих глазах куда-то потащили.

– У Оскара совести и раньше-то не было, а сейчас – так совсем! А банда его и вовсе страх потеряла! Под себя яму роют.

– Там, вроде бы, не его люди были...

– Ну как это не его? Что значит – не его? Ты ж не ребенок уже, а, Кир? Все, что в подвалах под комбинатом творится,

происходит исключительно с его ведома и под его контролем.

– Так ведь гостинцев от него давно не было – может, и самого его на комбинате нет?

– Угу, ты еще скажи, что его волки съели. Ладно, ближе к делу. В котором часу вы там шарились? Сколько времени прошло?

– Дык... Я же говорю – в отключке какое-то время провалялся. Потом по Куровскому попутешествовать пришлось, со староверами конфликт небольшой вышел... Короче говоря, похитили Жорку не больше восьми часов назад. Приблизительно. По дороге сюда я еще раз заглянул в подвал, прошел из конца в конец, но ни брата, ни кого-нибудь еще там уже не было.

Говорить о том, что на обратном пути я, кажется, вообще не в тот подвал попал, я посчитал нецелесообразным.

– Погоди-ка, погоди-ка, соколик! Значит, ты хочешь сказать, что пока ты после нападения выбирался, ты никого там больше не встретил? А потом залез снова, прошел весь подвал насквозь, и опять там не было никакой охраны на входах-выходах, никаких патрулей? Ни Егора со своей гвардией, ни Ильи, ни Фарида с отморозками?

Там была Мара. Это считается? Вряд ли. Она уж точно ни к патрулю, ни к гвардии отношения не имеет. Еще там было двое франтов в новенькой одежде и с Hugo Boss на щеках – убейте меня на месте, если это охранники. Егора я знал,

точнее – видел несколько раз: он являлся во главе кодлы, доставлявшей нам «гуманитарную помощь». Вот они – охранники. А те двое... Нет, Харитон меня явно не про них спрашивает.

– Ни ушастых, ни гвардейцев, ни отморозков, – с чистой совестью ответил я, – никого из перечисленных.

Харитон крикнул. Кажется, заинтересовался, а он при всем своем пофигизме страшно деятельный мужик.

– Короче, это шанс. Понимаешь, да? – Харитон улыбнулся во все оставшиеся зубы. Для такой широкой улыбки они должны быть белоснежными, да вот с цивилизацией уже давно у нас перебои. – Надо туда пойти и все разведать. Может, и впрямь доступ к продуктам и прочим благам имеется. Осмотримся на месте, захватим плацдарм... А случись что – я братву с «Мишлена» позову, надежный народец.

– Э, э! Я вообще-то с другой просьбой пришел! Мне нужна помощь, чтобы брата из беды выручить, а не продуктовый склад захватить!

– Да ты что, соколик! Как ты мог подумать, будто я про это забыл? Конечно же, в первую очередь спасем из вражеского плена Белецкого-старшего, а как же! Я про него не упомянул, потому что это само собой разумеется.

Я немного успокоился.

«Мишлен»... Это ж в Давыдове! На той же заводской территории, где нас спрятали в бомбоубежище баба Аня с бабой Шурой, только корпус другой. Но, по моим сведениям,

в том поселении выжили лишь мы с Жоркой. Неужели кто-то еще объявился?

– Что, «Мишлен» теперь вместо покрышек бойцов производит?

– Опять шутишь, шутник? Молодец! Юмор – всему голова!.. Да не, это наши, ты всех знаешь, болезный. Они туда типа на сборы свалили. Тренируются внизу, в подвалах под заводом, там фон нормальный.

Действительно, некоторое время назад мне на глаза перестали попадаться наши сталкеры и некоторые из «шестерок» Харитона. Я еще гадал, то ли в старообрядцы они подались, то ли в армию Босса...

– А чего это в Давыдове фон нормальный вдруг? – поинтересовался я. – Из-за нашего монастыря, что ли?

– Хе-хе... – Харитон задумчиво просвистел короткий мотивчик. – Я же сказал «внизу». Под землей, стало быть. Но тренируются «из-за монастыря», да. Скоро будем этих волков ушастых вышибать оттуда. Нечего каким-то упырям в таком сладком месте жить!

Я смотрел на Харитона со смешанным чувством. Его планы выглядели, как... Неубедительно выглядели, честно говоря. Плацдарм он, видите ли, на меланжевом комбинате захватить хочет, волкопоклонников из монастыря выбить... Послушать – прям-таки Наполеон! Но именно этот Харитон, когда все накрылось, сумел найти где-то грибницу вешенок и запретил употреблять несушек в пищу, благодаря чему люди

не передохли от голода в первые же недели. Именно он наладил подобие порядка в Могильнике. Именно он организовал первую группу сталкеров. Именно он располагает средствами, чтобы найти и вернуть домой Жорку.

Он снова улегся на одеяла и пустился в пространные рассуждения о Боссе, язычниках и справедливости. Я с трудом дождался паузы:

– Ну так на комбинат-то идем?

– Че ж ты торопыжка такой? Быстро только куры несутся, да и то не в наших реалиях. Организовать все надо. А прежде подумать хорошо. Иди, найду тебя, как че будет.

Жорка... Может, там счет на часы или даже на минуты идет. А этот доморощенный философ лежит и размышляет.

Мне не терпелось сделать хоть что-нибудь, неопределенность убивала. Харитон Харитоном, но ведь у меня был и запасной вариант, верно? Я решил наплевать на вред для здоровья и пойти к дому «с дебильной башенкой» – вдруг Мара уже там?

* * *

У замшелого крыльца под выцветшей покосившейся вывеской «Шаурма» мужик неопределенного возраста сидел на корточках, обхватив себя руками, покачивался и тихо подвывал. Очень похож на пьяного. А Марой даже и не пахнет. Ну, кто бы сомневался...

С опаской подойдя поближе, я увидел кровавое пятно, медленно расползавшееся по грязной рубашке.

– Ты откуда, друг? Что-то рожа твоя мне незнакома, а?

– Знакома, знакома, – каркнул он. – Прохор я, птичник. Ты очередь всегда за мной занимаешь, когда бутылки наполняем.

– А-а... – Действительно похож на Прохора. Только лицо вспухшее, одутловатое, с шелухой отслаивающейся кожицы, с внушительным волдырем между носом и щекой. Немудрено обознаться. С другой стороны, я и сам сейчас... расписной, как Харитон выразился. – Как ты тут оказался-то?

Он прохрипел что-то неопределенное и погрозил кулаком небу. Я посмотрел внимательнее. Руки побагровели, на внешней стороне ладоней – язвы. Таких отметин встречалось немало в первые дни кошмара, но сейчас-то с чего? Фон, конечно, еще не в норме, но не так же, чтобы кожа с человека слезала!

По-любому его нужно переместить вниз. Я надел резиновую крагу и протянул ему руку:

– Идти можешь?

Он кивнул, попытался встать, и его начало выворачивать зеленой дрянью.

– Погулял, б...! – Мужика корчило не по-детски.

– Долго был наверху?

– Ну... не так чтоб долго очень, но хватило, видать.

– Куда ж ты залез? Где ж у нас в округе так припекает?

Наверное, я впечатлительный. Во всяком случае, тут же почувствовал неприятный зуд во всех местах. А вдруг это не самовнушение и я тоже уже мертвец?

Начал поднимать бедолагу, тот закричал надсадно:
– Э, что делаешь?! Больно же!

Крага на глазах темнела от крови. Его кожа распадалась от моих прикосновений. Ну как же так? Люди уже минимум года три как массово вылезать начали, а если верить разговорам, сталкеры и десять лет назад на поверхность шастали, сохранившееся добро вниз перетаскивали – вроде пока никто не умер. Да я и сам три километра преодолел, когда из Давыдове переселялся! А этот – куда же он забрел? Где тут фонит так сильно? Или он вообще не здесь облучился? А где тогда? Какие населенные пункты, кроме собственно Москвы, есть поблизости, которым настолько серьезно досталось?

Еле-еле я дотащил его до входа в Могильник. Меня уже тоже мутило вовсю. То ли от зловония рвоты, с которым даже респиратор не справлялся, то ли я успел нахватать рентген, просто находясь поблизости от мужика. Уж не лежит ли у него за пазухой какая-нибудь болванка из какого-нибудь эпицентра?

Спускать несчастного вниз я побоялся. Вдруг и впрямь чувак с «гостинцем»? Еще перезаражает всех... Есть у нас, конечно, доктор, но обычно его на месте не застать. Да и найдешь – не факт, что возьмется лечить бесплатно, а у меня ничего ценного, самого бы кто накормил.

Так что приткнул я бедолагу под кустом, сам вниз спустился. Кто-то шаркал по коридору. Серега. Ну, от этого точно помощи не дождешься, может, хоть информацией соизволит поделиться.

– Слышь, там мужик снаружи. Облученный, кажется.

– Наш?

– Наш. Птичник. Прохором звать. У него кожа слазит.

– Еще один гикнулся, – прокомментировал Сергей. – Уже пятый за неделю.

– У нас же доктор есть. Как думаешь, поможет?

– Федька-то? Даже не думай к нему лезть с этим. Смысл ему силы на трупача тратить?

Появилась дородная баба, вроде Светка, а может, и не Светка, я имена плохо запоминаю; по-хозяйски приобняла Сергея. Послушала наш разговор и пафосно провозгласила:

– Вот! Бог – он все видит! Грешили тыщу лет – получай теперь.

– В смысле? – не понял я.

– Прогрешились все насквозь, теперь очищение землей пройти надо, понятно? А кто не понял – передохнут, как куры.

– Кстати, приходи на суп, – ухмыльнулся Серега. – Сварили дохлятинку-то, с микробами еще наваристее.

Суп меня не удивил, а вот «очищение землей» – это, конечно, да.

– Проповедника, что ли, послушала? – осторожно поин-

тересовался я у бабы. – Уж не Матвея ли?

– А хоть бы и его!

– Матвей наверх выходит, я сам видал. Ему-то, стало быть, можно?

– Дочь у него, тварь неблагодарная, шляется снаружи, вот и приходится спасать дуру! – процедила баба и поджала губы. – Пойдем, Сереженька. Зачем ты ему про суп сказал?

Они исчезли в темноте коридора.

– Э! А с птичником-то как быть? – крикнул я им вдогонку, но ответа так и не дождался.

Я высунулся из лаза, заглянул под куст – может, сдох уже, бедолага? Но нет, хрипит чего-то. А потом его опять начало выворачивать.

По всей видимости, недолго протянет. Не оставаться же с ним? Еще неизвестно, сколько мне самому жить осталось после этих прогулок с Марой и без оной. Чертов Локи...

Я брезгливо посмотрел на кровавую пену, выступившую на губах несчастного, дошел до домика «с дебильной башенкой», покрутился там пару минут (ну нет девки, чтоб ее!) и вернулся вниз. Пошел на запах еды.

Пока я возился с Прохором и надеялся-таки встретить Мару, все лучшие куски успели съесть, осталась баланда с редкими лохмотьями вешенок и топинамбура. Я выловил куриные кости из мутного бульона. Хорошо еще, что долго варили, косточки размягчились, можно было сгрызть их почти целиком. Теперь за милую душу хавается все, что можно со-

жрать.

Так и не наевшись, я снова полез наружу.

Бедолага-птичник скончался. Стало грустно: не занимать мне больше за ним очередь. Может, стоило настоять, чтобы доктор его осмотрел? Вдруг бы помог как-то? А с другой стороны – мне он никто, и уж если свои о нем не шибко беспокоились, то мне и вовсе не следует винить себя в неоказании помощи. Обо мне тоже никто не поплачет, если вдруг погибну.

Надо Харитону, что ли, сообщить о покойнике. Пусть распорядится, чтобы похоронили по-человечески.

Шальной луч, пробившийся сквозь плотные тучи, окрасил остатки стекол в окнах «хрущевок» в совершенно невозможные цвета: от ослепительно-рыжего до мрачно-фиолетового.

Дворик рядом с бывшей «Шаурмой» зарос бурьяном в человеческий рост. Между гигантскими репейниками и борщевиками виднелись полуистлевшие остатки маленького, будто игрушечного заборчика. Когда-то там был палисадник, в котором чья-то бабушка выращивала цветы. Я присмотрелся. В тени одревеневшего репейного ствола у самой земли трепетала на ветру крошечная, тощая, выродившаяся маргаритка – тень безвозвратно ушедшей тихой провинциальной жизни.

...А меж тем уже совсем смеркалось. Солнце и так нас не балует, все за облачной хмарью прячется, так что и днем те-

перь – вечер. Но тут прям темнеть начало. Это значило одно: прошло много больше трех часов, обозначенных Марой. Да нет, зачем я вру себе? Это значило, что она уже не придет. Собственно говоря, что в этом такого удивительного? Ты всерьез верил, что какая-то посторонняя девица решит твои проблемы?

Я достаточно свыкся со смертью за эти годы, много видел и о своей собственной научился думать спокойно. Но вот то, что Жорки может не стать, у меня в голове не укладывалось.

Уже стемнело, а я еще дважды таскался к дому с башенкой, надеялся на что-то. Только вой мутанта, донесшийся будто бы из соседнего двора, отрезвил. Какой смысл накручивать себя? Что бы там ни было, помочь брату я смогу, только если сам останусь в форме. Не покусанный волками и не подышающий от лучевой болезни. А значит, нужно перестать метаться. Дождусь утра и уговорю Харитона ускорить поход на комбинат, с бойцами или без. Окончательно вымотавшись, я лишь усугублю свое незавидное состояние.

С этими мыслями я включил фонарик и отправился в спальную пещеру. По пути пытался успокоить себя: нужно быстро заснуть, завтра по-любому предстоит очень трудный день.

Пещеру можно было легко отыскать в полной темноте по хоровому храпу. С непривычки в такой обстановке заснуть было бы проблематично, но мы давно привыкли. Как всегда, пришлось много раз переступить через спящих, чтобы

добраться до нашего с Жоркой места в нише. И – сюрприз! Оно оказалось занято.

Мы с братом спали в этой нише уже два года, никому и в голову не приходило выгонять нас, хотя вообще борьба за спальные места в пещере случалась. И вот сейчас какой-то хмырь нагло лежал на нашем месте, к тому же укрывшись нашими вещами.

Я посветил ему в лицо фонариком. Ага. Игорек. Любитель рассказывать героические истории, как он стоял у истоков заселения Могильника и всех спасал. По самым грандиозным подсчетам, ему тогда лет десять было, а скорее всего, вообще шесть-семь. Я потряс его за плечо. Он недовольно пробурчал, не открывая глаз:

– Вали отсюда!

– Что значит «вали»? – удивился я. – Это наше место вообще-то!

Рожу мне, конечно, знатно начистили, но не настолько же, чтоб не узнавали!

– Слушай, баклан, не зли меня. – «Спаситель человечества» соизволил разлепить отекавшие веки. Я почувствовал, как голова начинает распухать изнутри от ярости:

– Какой я тебе баклан? Глаза продери, придурок! Я – Кир Белецкий! А это – наше место.

– Белецкого знаю, только его волки съели. А ты давай, уматывай отсюда, пока я тебе сопли в глотку не затолкал!

Нет, я понимал, что не надо сейчас конфликтов, но нога

сама дернулась носком под ребра этому умнику. Он подско-
чил неожиданно резво, будто и не спал только что. Схватил
меня за плечи, чувствительно тряхнул:

– Ну что, выйдем? Выйдем, говорю?

В юности меня звали увальнем. Движениям не хватало
проворства, зато силушкой Создатель не обидел. Короче го-
воря, не Майк Тайсон, а, скорее, Николай Валуйев, если брать
параллели с боксом. Понятно, уже и возраст не тот, и го-
лодуха сказывается, и комплекция теперь отнюдь не как у
бодибилдера, и вообще мне сегодня досталось сверх меры.
Однако еще несколько лет назад Жорка после очередного
конфликта с местными укорял меня: дескать, ты соразме-
рай свою подготовку и состояние этих несчастных! Лучше
не бей, просто толкай, им хватит. Вот я и толкнул Игоря.
Он потерял равновесие, но пальцы не разжал. Мы оба упа-
ли на кого-то. Дикий крик! Тут же вся пещера проснулась,
понеслась ругань. Вообще, это страшно, когда толпа, пусть
даже такая небольшая, как наша, живет в состоянии сухой
соломы, только поднеси спичку. Игорек требовал немедлен-
но поквитаться со мной, проучить или выгнать из Могиль-
ника на еду волкам. Ибо нефиг чужакам занимать козырные
места в спальной пещере, попирая права истинных хозяев!
Многие уже готовы были поддержать его – не из особой ан-
типатии ко мне, а просто от скуки и от того, что я лишил их
драгоценного сна.

– Че расшумелись? – Это Харитон выполз из своих апар-

таментов.

– Да вот он тут того... – В мою сторону стали тыкать пальцами.

– Я просто пришел спать. На свое место. А меня не пустили.

– Вы че, соколики, – доморощенный Диоген покрутил пальцем у виска, – это ж брат Гоши Белецкого. Кто вам мази лечебные химичил, чтобы ваши руки-ноги вонючие не отгнили? Забыли уже? Завтра он вернется – и обиженного родственничка вам не простит, уж поверьте. Короче, отвалите от блаженного и давайте все вперед, к светлым грезам и розовым сновидениям.

Игорь с кислой рожей освободил наше место, попытавшись попутно прихватить с собой одеяло. Я прикрикнул:

– А ну положил обратно!

– Дождешься еще, сука, – пообещал он негромко, но спорить не стал.

Через пять минут пещера снова наполнилась симфонией храпа.

Глава четвертая

Утренняя прохлада напоминала о приближающейся осени. Где-то очень глубоко внутри у меня едва шевелились фантомные воспоминания об улетающих на юг птицах и созревающих яблоках.

Рекогносцировку на меланжевом комбинате решили провести сразу после восхода. Не иначе как размышления Харитона спровоцировали воспоминания о таких понятиях, как стратегия и тактика.

Разведгруппа, которую собрал наш доблестный Наполеон, выглядела довольно странно. Что-то среднее между шайкой бродяг с большой дороги и горсткой каторжников на последних километрах этапа. Особенно впечатлял плюгавенький Петрович с брюзгливым выражением лица, обвязавший голову клетчатым шарфом. Но в целом настрой был у всех довольно боевой. И как только Харитону удавалось их воодушевлять?..

Показать или не показать выход, который я узнал благодаря Маре? Черт, а вдруг люди Босса закрыли Жоркину дверь? Или, еще хуже, стали ее охранять... Я чуть притормозил и поравнялся с Харитоном, который шел неестественно легко для своей комплекции.

– Харитон, слушай... Они же могли дверь запереть. Ключей-то нет, у Жорки остались. Как мы внутрь попадем?

– Ты серьезно? Да мы любые замки открываем, как иначе выжить-то.

– Ну... ладно. – Самоуверенность этого вожака удивляла и даже немного восхищала. Куда я лезу со своими дурацкими вопросами? Сталкеры, которых когда-то собрал Харитон, тоже без ключей по поверхности шастали, много разного добра приносили. – Но ведь Босс мог вчера вернуться и охрану выставить на входе.

– И что? Предлагаешь ретироваться?

– Нет, разумеется! Просто накануне ты говорил о парнях с «Мишлена», а тут...

Харитон молча поводил глазами по группе, затем предложил:

– Скажи-ка мне, соколик, кого ты тут видишь? Полтора калеки, голодные, грязные, без экипировки, без оружия. Ежели, конечно, дрыны и монтировки не считать шаолинскими шестами и нунчаками. Вот и Оскар со своими хлопцами, коль они и впрямь под дверью сидят и нас ждут, увидят то же самое, то есть бедных-несчастных калек, которые от голода совсем соображать перестали, раз на комбинат без разрешения приперлись. Ну, дадут нам пару зуботычин и выводят – так ведь, может, и жратвы какой с собой дадут, смилостивятся. А парни с «Мишлена» – это уже другой колленкор, понимаешь, соколик? Это тебе не инвалиды со слипшимися от недоедания кишками, а вооруженный отряд. И реакция на их появление стопудово будет не такой терпимой.

Вкуриваешь? Ты бы, кстати, не болтал про «Мишлен», когда не просят.

– Извини, я просто немного другого ожидал.

– А с другой стороны, – куда более бодрым тоном продолжил Харитон, – вон идет Мишаня. Он сейфы на раз-два-три вскрывал в прошлой жизни. Что ему какая-то подвальная дверь? А Павло службу в армии проходил в саперной роте. Ты, может, скажешь, что с тех пор триста лет прошло, и это будет правдой, но не всей: Павло и сейчас тебе из консервной банки и куриного дерьма такую мину соорудит, что мало не покажется. А вон Петрович, который на башку клетчатый шарф зачем-то накрутил. Это сейчас он... кхе-кхе... А по молодости лет, между прочим, инструктором по рукопашке был. До сих пор кой-чего помнит. И ежели случится так, что в подвале по-прежнему никого, мы там спокойненько осмотримся, найдем склады Оскара, Гошу твоего вызволим, окопаемся внутри – поди выкури нас! Гонца в Могильник пошлем, чтобы все остальные тоже потихоньку подгрести.

Ну что ж, раз он так убежден... Не могу сказать, что во мне развеялись сомнения, но появилась надежда, что план Харитона предусматривает самое разное развитие ситуации. Может, напрасно я его недооценивал?

Вопреки ожиданиям, дверь, которую сутки назад открыл Жора, оказалась незапертой. Это было мгновенно признано всеми как добрый знак, самые нетерпеливые уже решительно спускались по лестнице.

– Сильно вперед не прите и вообще не разбегайтесь, слышите? – приструнил Харитон особо прытких.

Внутри ничего нового не появилось, те же пустые коридоры. Разве что света на сей раз не было. Мы освещали проходы маленькими самодельными факелами. Продвинулись около пятидесяти метров вглубь, потом забуксовали. Впереди послышался шепот:

– Ну и где тут хавчик?

– Ща принесут, Серег, тарелочки для тебя еще не помыли!

– Искать надо. Кто сейчас жратву в открытом доступе оставит? Чай, не раньше, время другое.

И голос Харитона:

– Ну так за еду и землю носом порыть не зазорно. Давайте бодрее, соколики, бодрее!

Ворчание понемногу стихло, попилили дальше.

Как всегда, дерьмо началось внезапно и повсеместно. За спиной, из первого ответвления, которое мы успели благополучно миновать, вдруг появились люди в камуфляже и омовских шлемах, с резиновыми дубинками в руках. Дубинки с ходу были пущены в дело. Мы бросились вперед, в темный коридор, но оттуда поперли точно такие же «блустители порядка».

– Давай, мужики, дави их! Поднажали, соколики! – Голос нашего Наполеона сорвался от нервного напряжения, дал «петуха», однако Харитона это не смутило, да и остальных тоже. Они перестали искать пути спасения и мрачно подня-

ли свои дрыны и монтировки. И тут из темноты до нас отчетливо донесся лязг передергиваемых затворов.

– Это засада! Валим! – завопил кто-то из наших.

Видимо, охранникам дали приказ не убивать нас, а только наказать и выпроводить наружу. Они отступили в боковой проход, пропустили группу в ту сторону, где находилась металлическая дверь, а затем позорно погнали всех по коридору, будто стадо баранов, непрерывно охаживая дубинками.

Я пытался парировать удары монтировкой, но куда там.

Нас выдавили на лестницу. Уже подле самого выхода мне все-таки жажнули дубинкой по боку так, что я некоторое время не мог вдохнуть.

Дверь в подвал комбината захлопнулась. Вроде бы никого не убили, не покалечили, только мужичок в клетчатом шарфе куда-то подевался.

Серегу в сердцах треснул кулаком по наружной стене.

– Охренеть! Мне еды обещали, вместо этого по мордам получил!

– А Петрович-то где? Че-то я его и внизу не видел, и сейчас не наблюдаю.

– Зассал, гад! Заныкался где-то.

– Мне, по ходу, ребро сломали, суки...

– Харитон, что за подстава? Тебя какая скотина надоумила сюда сунуться? Кто про склады сказал?

Дальше я слушать не стал. Шкура на спине начала яростно зудеть. В принципе, особой интуиции не надо, чтобы в по-

добной ситуации догадаться: сейчас все захотят меня бить. Говорить, что я предупреждал Харитона, бессмысленно: он изначально был готов к тому, что при плохом раскладе народец получит «пару зуботычин», вот только признаваться в этом сейчас он точно не станет – отделали нас знатно, по любой классификации это тянет на избиение, а не на безобидно-профилактический втык. Но в чем Харитон был прав, так это в симметричности ответа хозяев подземелья: приперлись бы мы туда с автоматами – из автоматов бы и получили. А так – всего-то синяками отделались. Вот только поди объясни все это разъяренным мужикам! Не поймут же.

Я метнулся через проезжую часть в сторону жилого сектора. Запутался в крепких нитях выюнка и едва не растянулся на остатках асфальта. Поскорее шмыгнуть в подъезд ближайшей «хрущевки», заблокировать дверь монтировкой, просунутой в дверную ручку... Воняло здесь сложно, но не мучительно. Видимо, все, кто умер, сделали это давно, а новые хозяева в квартирах не поселились. Ну и слава богу: убежать от людей, чтобы напороться на гнездо воробышков, было бы верхом невезения. Воробышки, конечно, существа безобидные, когда скачут по улице, но шут его знает, как они своих птенцов защищать стали бы.

Преследователи ринулись было за мной, однако быстро сникли. Вот что хорошо в нашем теперешнем бытии – это повсеместно работающий закон сохранения энергии. Все привыкли беречь силы, и, если развлечение энергоемко, от

него сто процентов откажутся. Им проще дождаться, когда я в Могильник вернусь, чем выковыривать меня из подъезда.

Голоса затихли в отдалении, а я все сидел на пыльной лестничной площадке посреди мусора и битого стекла и думал. Вернее, морально готовился. Нужно собраться с духом и вернуться в подземные коридоры – не через запертую уже дверь, а через один из известных мне теперь ходов. Искать Жорку, покуда хватит батареек... да нет, что за глупость, покуда хватит меня. Да и идти мне больше, если честно, некуда. Сначала Игорь в спальной пещере, теперь еще и эта неудача... Даже если меня не убьют, все равно станет хуже, чем было, хотя в нашей жизни и так ничего хорошего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.